

ФЭНТЕЗИ

МАГИЯ

Сергей Лысак

ЛИС АДРИАТИКИ

Фэнтези-магия

Сергей Лысак
Лис Адриатики

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Лысак С. В.

Лис Адриатики / С. В. Лысак — «Издательство АСТ»,
2023 — (Фэнтези-магия)

ISBN 978-5-17-152845-4

Разведчик донских казаков Иван Платов, направленный в Османскую империю под чужим именем и сумевший утвердиться в турецком военном флоте, окончательно превращается для турецкого командования в капитана Хасана, наделенного доверием. Что означает новые задания, находящиеся на грани возможного, а иногда и за гранью. Очередная австро-турецкая война захватывает все восточное Средиземноморье и Балканы. В тесном клубке противоречий сплелись интересы большинства европейских государств. Давняя вражда Священной Римской империи германской нации и Османской империи вспыхивает с новой силой, поскольку интересы Истанбула и Вены не будут совпадать никогда. Капитан Хасан получает задание – вести одиночное крейсерство в Адриатическом море. Но в ходе выполнения задания происходит цепь странных событий, которые трудно объяснить. Странности накапливаются, и у капитана Хасана возникает стойкое убеждение, что появилась новая неучтенная сила, действующая на стороне противника.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-152845-4

© Лысак С. В., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1. Станный подарок	6
Глава 2. Между крестом и полумесяцем	16
Глава 3. Маленькие шаги в большой политике	35
Глава 4. Непуганая дичь	41
Глава 5. Лиса охотится в одиночку	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сергей Лысак

Лис Адриатики

© Сергей Лысак, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Глава 1. Странный подарок

С момента возвращения «Аль Ясат» в Тунис прошло уже две недели, но после доклада командующему эскадрой о результатах проведенной разведки в Алжире никто Ивана не беспокоил. Давут, как командир разведгруппы, иногда навещался на флагман, решая какие-то свои вопросы, а вот о капитане «Аль Ясат» как будто забыли. Но Иван и остальные разведчики были на это не в претензии, в полной мере наслаждались неожиданно предоставленным отдыхом. В городе все было относительно спокойно, сторонники бывшего правителя Туниса либо разбежались, либо сидели тихо и старались не привлекать внимания. Ибо голова Алибея, насаженная на кол, установленный на площади, до сих пор служила красноречивым напоминанием всем потенциальным бунтовщикам, к чему может привести попытка поставить под сомнение власть повелителя правоверных. Из Истанбула пока что не было никаких известий, хотя быстроходная шебека «Айша» ушла в Истанбул с сообщением о приведении Туниса к покорности на следующий же день. Но то ли она где-то задержалась, то ли султан все еще раздумывал, как поступить, ответа из Истанбула до сих пор не было. Однако проявлять ненужную инициативу адмирал Кемаль-паша не торопился. В конце концов, он свою задачу выполнил и будет ждать постановки следующей. А то, если полезешь сам, куда не просят, то как бы хуже не сделать. Тем более он знал, что военные действия на суше идут не блестяще для турецкой армии, поэтому принял единственно верное решение в сложившейся ситуации – держаться подальше от начальства и его возможного гнева, ибо можно запросто попасть под горячую руку. А Тунис все же далеко, и пока сюда дойдет гнев султана на своих нерадивых подданных, то он и затихнет. Определенный резон в этом был, поэтому никакого недовольства на эскадре не наблюдалось. В душе все понимали, что сейчас лучше держаться подальше от Истанбула, чтобы не оказаться крайним и не пострадать за чужие грехи. Хотя на словах все горели желанием покарать презренных гяуров-австрияков, но дальше слов дело не шло.

Правда, разведгруппа в этом активного участия не принимала. Иван убедил адмирала, что не стоит раскрывать сущность «Аль Ясат» перед городскими обывателями. Под османским флагом шебеку в Тунисе никто не видел, пришла она сюда еще до взятия Туниса, поэтому связать ее с османской эскадрой для посторонних наблюдателей сложно. Как и ее команду, мало напоминающую верных псов султана янычар, да к тому же еще и на самом деле разбавленную отпетыми контрабандистами, которым даже маскироваться не надо. Не бог весть какая хитрость, но не мешает. А поскольку «Аль Ясат» после входа в порт сразу же стала к причалу, где уже стояло множество местных купеческих посудин, даже не став подходить к флагманскому линейному кораблю «Перваз Бахри», то особого внимания с берега она и не привлекла. А поскольку между причалами порта и стоявшими на рейде кораблями эскадры сновало большое количество корабельных шлюпок и лодок местных рыбаков и торговцев, визит Ивана и Давута на флагман прошел незамеченным для широкой публики. В ходе доклада Иван высказал свою идею одиночного крейсерства в Адриатике, чтобы австриякам, венецианцам и прочим врагам Османской империи «жизнь малиной не казалась». Кемаль-паша очень заинтересовался этим вопросом, даже «давить» на него не пришлось. Но торопиться с принятием важного решения не стал и заметил, что вернется к этому вопросу несколько позже, когда окончательно прояснится обстановка. А пока разведгруппа может отдыхать, не выходя из образа местных торговцев, вернувшихся из опасного плавания и провернувших удачную негоцию. Тем более жизнь в Тунисе уже вошла в прежнее русло, снова активизировалась торговля, и в городе мало что напоминало о недавнем и очень коротком периоде его «независимости».

Не откладывая дело в долгий ящик, разведгруппа сразу же с воодушевлением бросилась выполнять поставленный приказ – изображать вернувшихся с хорошими барышами торговцев.

Товар из Алжира был распродан быстро, и команда «Аль Ясат» отдыхала, вкушая все прелести жизни. Благо было где, с кем и на что. Потянулись дни праздности и веселья. И вот в один из таких дней, когда Иван возвращался в порт после очередной «вылазки в город», окружающая привычная идиллия была нарушена.

Иван понял, что за ним следят. Но следят очень аккуратно, переодетые топтуны из городской стражи таким уровнем не обладают. Удивившись и подумав, кому это он понадобился, Иван изменил обычный маршрут, удалившись в сторону городских трущоб. Там, в случае чего, можно не церемониться и быстро прояснить ситуацию. Тем более что следит за ним всего один человек. Что же это значит? Неужели опять всплыла эта история с наследником Барбароссы, и друзьям неугомонного «борца за независимость» Камила все нейдет? Никому другому следить за ним вроде бы и незачем... А если все же не они, то кто? Может быть, еще какие-то «борцы» в этих краях завелись?

Оказавшись в безлюдном месте, Иван замедлил шаг, позволив незнакомцу себя догнать. Внешность у преследователя самая обычная. Одет, как городской обыватель среднего достатка. Пройдешь мимо такого в толпе и внимания не обратишь. Оружия не видно, но это не значит, что его нет. Но самое удивительное, что по мере приближения незнакомца угрозы от него Иван не чувствовал. Так, обычное любопытство, хотя и хорошо скрытое. Но в то же время он мог поклясться, что никогда раньше этого человека не видел. И человек этот из той же породы, что и он сам – тайный подсыл в тылу врага. Такие вещи юный характерник научился определять безошибочно. Мужчина возрастом за тридцать, но не местный араб. Скорее испанец-полукровка. И незнакомец явно его знает. Вот даже чуть улыбнулся и кивнул за несколько шагов, а подойдя ближе, приложил руку к груди и поздоровался на хорошем турецком:

– Добрый вечер, Хасан-бей! Рад вас видеть!

– Добрый вечер, бей-эфенди! Но, простите, разве мы знакомы? Я вас не знаю.

– Да, вы меня не знаете. Мое имя Юсуф. Купец Саид просил вас привезти партию такого же индийского перца, как в прошлый раз. Желательно побольше.

– Хм-м... Я вас понял, Юсуф-бей. И сколько же это «побольше»?

– А сколько у вас есть в наличии?

– Мешков десять точно будет. Вам хватит?

– Что вы, нам надо еще как минимум три десятка мешков!

– Тогда, увы, придется подождать.

Иван улыбнулся. Пароль был назван правильно – в сумме должно было получиться сорок. Капитан Гарсиа настоял именно на таком многоступенчатом пароле, снижающем риск провала. О возможной встрече со связником они договорились, но Иван не думал, что это произойдет так скоро. Значит, тринидадцев поджидает, раз они послали в Тунис своего человека. То, что это именно профессиональный разведчик из тринидадцев, а не шпион из местных арабов, продавшийся за деньги, он понял сразу. Юсуф же ничуть не удивился. Очевидно, он хорошо знал Ивана в лицо.

– Хасан, у меня мало времени. Вам велели передать вот эту книгу. Но ее **никто** не должен видеть, кроме вас! После прочтения книгу обязательно уничтожьте, не оставляйте у себя такую улику. Для этого достаточно погрузить ее в воду – краска расплывется очень быстро, и сама фактура бумаги будет нарушена. Можно также выдернуть вот этот шнур. Внутри обложки и переплета находится заряд очень сильного горючего вещества, который сработает через три секунды, и книга быстро превратится в пепел. При попадании в воду заряд «горючки» не активируется и растворится. Действуйте по ситуации.

С этими словами Юсуф извлек из-за отворота халата небольшую книгу в старом и довольно-таки потрепанном переплете. Иван тут же ее спрятал, но не смог скрыть удивления.

– Я вас понял, Юсуф. Но зачем такие сложности? Не проще ли было передать все на словах? Я на память не жалуюсь.

– Не знаю. У меня приказ – передать вам эту книгу, причем ни в коем случае не допустить ее попадания в чужие руки. На словах же велено передать, что скоро ваше сидение в Тунисе закончится. Шебека «Айша» благополучно доставила сообщение о взятии Туниса в Истанбул и уже вышла обратно. Кемаль-паша получит приказ следовать в Адриатику с целью противодействия австрийско-венецианскому флоту. Подробностей приказа не знаю.

– Но ведь это чистое самоубийство! Мы потеряли четыре корабля во время боя с эскадрой Черной Бороды, не сумев даже нанести повреждений австриякам!

– Капудан-паша считает точно так же и пытался убедить в этом султана, но тот ничего не захотел слушать. Дела турецких войск в Трансильвании идут из рук вон плохо, австрияки бьют их повсюду, где только встретят.

Сюда последняя новость еще не дошла, но скоро дойдет. Небольшая австрийская эскадра commodora Майера из четырех фрегатов и одной бригантины *полностью* уничтожила турецкий флот в Чесменской бухте. Тот самый, который султан отправил вам в помощь для взятия Туниса. Уцелели лишь грузовые корабли с десантом – они вовремя успели уйти. Скорее всего, это те же самые четыре австрийских фрегата, с которыми вы повстречались в Тунисском заливе. Поэтому никакой реальной силы в Эгейском и Ионическом морях у турок сейчас нет. Эскадра Кемаль-паши в Тунисе – это все, чем в данный момент располагает султан, не считая всякую мелочь, разбросанную по портам вдоль побережья. Есть кое-что в Черном море, но там в основном одни галеры, малопригодные для артиллерийского боя с линейными кораблями и фрегатами. Есть еще недостроенные корабли, но их вряд ли стоит ждать ранее чем через пять-шесть месяцев.

– Иными словами, султан потребует от Кемаль-паши совершить нечто сродни чуду?

– Скорее всего. Не знаю, как он будет выкручиваться. Если для вас ситуация станет крайне опасной – уходите. Пасть в бою с гяурами во славу повелителя правоверных – это ни вам, ни нам не надо. Места для встреч и условные сигналы выхода на связь вам известны. Как туда доберетесь, дайте о себе знать, и мы свяжемся с вами как можно быстрее. Это всё. Вопросы будут?

– Только один. Если мне придется уйти от турок и появиться в Австрии или Венеции под видом итальянца, надежная и быстрая связь с вами у меня там будет?

– Будет. Причем такая связь, возможности которой вы даже представить себе пока не можете. Но сейчас говорить об этом еще рано. Продолжайте верой и правдой служить турецкому султану, приложив максимум усилий для продвижения вверх по карьерной лестнице. Желательно в направлении структур верховной власти Османской империи в Истанбуле. Давайте называть вещи своими именами, Хасан. Мы не страдаем альтруизмом и в этом деле в первую очередь преследуем свои интересы. Такой человек, как вы, был бы нам очень полезен в ближайшем окружении султана, великого визиря или капудан-паши. А там, как знать, может быть, вы и сами со временем станете капудан-пашой или великим визирем. С нашей помощью это хоть и трудно, но возможно. Но попасть в этот гадюшник сразу, с наскока, не получится. Вот и используйте подвернувшиеся возможности. От нас же вы сможете регулярно получать любую помощь, какая только реально возможна. Если что понадобится – дайте знать. Приказ командования – в средствах вас не ограничивать. Сейчас, кстати, что-нибудь нужно?

– Пока нет. Вокруг меня очень много чужих ушей и глаз, так что не хочу привлекать внимание.

– Тогда – удачи! И да хранит вас Аллах!

С этими словами связник поклонился еще раз, что не вызвало бы подозрений у случайных свидетелей, и быстро исчез в ближайшем закоулке.

Иван же не мешкая отправился в порт, обдумывая по пути неожиданно свалившуюся на него проблему. Надо тем более ускорить выход в самостоятельное крейсерство, пока не пришла «Айша», и здесь не началась паника в связи с абсурдным приказом султана. Что

реально Кемаль-паша может сделать имеющимися силами против объединенного флота Венеции и Австрии? Ничего. Если бы речь шла об одних венецианцах, еще куда ни шло. Но молодой и малочисленный флот Австрии под командованием Вильгельма Майера поставил все с ног на голову. Уже ясно, что существующая тактика ведения морского боя против него неэффективна. Если не сказать больше. Значит, надо разрабатывать что-то новое, чтобы каким-то образом нейтрализовать преимущество австрийцев. То, что Вильгельм Майер, он же Людвиг Шмарц – пришелец из другого мира, дела не меняет. Он просто знает намного больше, чем люди этого мира, но сам по себе остается таким же человеком, как и окружающие. И уже ясно, что Майер не смог реализовать свои знания в такой же степени, как тринидадцы, ибо его корабли не могут ходить без парусов, являясь по сути просто улучшенными образцами существующих норм кораблестроения. Правда, вооруженными более мощной и дальнобойной артиллерией, качественно превосходящей все то, что имеется сейчас. Разве что кроме артиллерии тринидадцев. И если это так, то надо создать ситуацию, когда артиллерия станет для австрийцев бесполезной. Но вот как это сделать, надо хорошенько подумать...

Вернувшись на борт «Аль Ясат». Иван сразу же уединился в своей небольшой каюте и зажег масляный светильник. Уже смеркалось, а откладывать чтение полученной книги до утра он не хотел. Сейчас почти все в городе, до утра никто не побеспокоит. А утром может быть что угодно. Как бы адмирал к себе срочно ни потребовал, чтобы «обрадовать» новым заданием из разряда почти невыполнимых. Что уж греха таить, сами постарались. Создали себе репутацию гениев в области разведки, вот теперь и отдуваются. Но пока тихо, надо воспользоваться моментом.

Заперев дверь, Иван сел за стол и достал таинственную книгу, вокруг которой напустили столько тумана. Внешне – самая обычная книга, причем далеко не новая. Разве что обложка непривычно толстая и сама книга довольно тяжелая для ее размеров. Но то и понятно, книга с «сюрпризом». Начал читать, однако с первой же страницы понял – что-то пошло не так...

Заголовок на первой странице – «Автомат Калашникова калибра 7,62 мм», его сразу же заинтересовал. Изображения не было, только текст на языке тринидадцев, который он хорошо понимал. Иван углубился в чтение и вскоре поймал себя на мысли, что он *свободно* владеет диалектом русского языка пришельцев из другого мира вместе с их письменностью, причем согласно принятым у них правилам грамматики и применяемого алфавита! Как оказалось, те правила письма, которым его учил Матвей Колюжный согласно принятым канонам на Руси, довольно сильно отличались от того, что применяли тринидадцы. Но чужие правила не представляли для него никакой сложности, он прекрасно владел грамматикой пришельцев из другого мира! Однако чудеса на этом не закончились. Неожиданно для себя Иван понял, что прекрасно знает, о чем идет речь в тексте книги. Автомат Калашникова – оружие из другого мира, был ему хорошо знаком! Он знал его во всех подробностях, до мельчайших деталей. Знал, как *автомат* ведет себя при стрельбе, но в то же время осознавал, что в реальности этого быть не может. Ведь он даже никогда не держал его в руках! В то же время память подсказывала, что не только держал, но и стрелял, и разбирал, и чистил... Но как такое может быть?! Поняв, что ответа на этот вопрос все равно пока не найдет, продолжил чтение. Может быть, в конце книги удастся найти разгадку...

Однако дальнейшее чтение, занявшее время чуть ли не до половины ночи, ничего не прояснило, а лишь добавило новые вопросы. Иван обратил внимание, что несмотря на обилие материалов по вопросам оружия, средств радиосвязи (также оказавшихся хорошо знакомыми!!!), различных тактических приемов боевых действий на суше и на море, нелегальной разведывательной деятельности, а также различных технических устройств, информация в целом делится на два типа. Та, что давалась предельно сжато, оказалась для него хорошо знакомой. Как будто бы он это хорошо знал и раньше, но почему-то забыл. Второй тип представ-

лял более развернутые сведения, но при их чтении ощущения прежнего знания не возникало. Как будто на самом деле прочел что-то новое, чего раньше не знал. Удивляясь все больше и больше, Иван наконец-то дошел до последней страницы. Но самые последние строки статьи, посвященной казнозарядной нарезной артиллерии, по своему содержанию резко отличались от написанного ранее, хотя на первый взгляд их невозможно было выделить из основного текста. Они были написаны хоть и с применением алфавита тринидадцев, но не по-русски, а на языке араукана – одного из индейских племен Нового Света. Причем довольно изолированного и не получившего широкого распространения в Южной Америке языка. Как оказалось, этот язык он тоже *знал*...

И только тут до Ивана дошло, кто стоит за всем этим. Он еще и еще раз перечитывал строки, которые приоткрывали завесу тайны.

«Теперь ты знаешь то, что знаю я. Это далеко не все, но пока тебе хватит. Надеюсь, что это поможет тебе в твоём благородном деле. При встрече расскажу более подробно. Не рискуй понапрасну и не забывай, что всегда может найтись кто-то сильнее тебя. Но далеко не всегда этот человек может оказаться другом. Книгу сразу же уничтожь одним из двух известных тебе способов. И большое спасибо за колье».

Как говорят тринидадцы, «пазл сложился!». Одно слово колье, которое так и было написано – колье, объясняло *всё*. В языке араукана точного аналога этому слову не нашлось. Оказывается, за всем этим стоит Диана! Ведь он только ей подарил колье! Всего лишь один раз в жизни, больше таких подарков он никому не делал! Ох и непростая девка... Так это что же получается? На «Синопе» она обвела его вокруг пальца? Но как такое может быть? Девка – характерник?! Причем гораздо более сильный, чем он сам?! Чудны дела твои, Господи!!!

И тут Иван вспомнил слова своего наставника о возможности встречи характерника с *очень* сильным даром. Настолько сильным, что он даже сможет закрыть свою душу от другого характерника, позволив ему увидеть только то, что сам захочет показать. И его невозможно будет отличить от обычного человека. Но этот случай был скорее из разряда теоретических – Матвей Колужный за всю свою долгую жизнь таких людей не встречал, как не встречали и те, кто учил его самого. Хотя предания по этому поводу были. И вот – такая встреча... Причем этот сильный характерник – девка!!! О такой возможности его вообще не предупреждали. Но, по крайней мере, это единственная версия, которая более-менее все объясняет. Правда, тоже остается много неясного, но уже хотя бы видно, откуда ноги растут. Ай да Диана! Впрочем, у тринидадцев чудес и без Дианы хватает. Хотя какие это чудеса... Всего лишь гораздо более полные знания об окружающем мире и умение этими знаниями пользоваться. Колдовством здесь и не пахнет. Но ведь религиозным фанатикам этого не объяснишь. Можно только представить, каково далось папе римскому решение признать пришельцев все-таки посланцами Господа, а не Сатаны! И это спустя аж два с лишним года после их появления в этом мире! А уж как святая инквизиция зубами скрипела от бессилия, показав свою полную несостоятельность в борьбе с «посланцами дьявола», обосновавшимися на Тринидаде...

Да уж... Сегодняшний день оказался богат на сюрпризы... И Юсуф (хотя уже ясно, что никакой он не Юсуф) прав – такие убойные материалы у себя держать нельзя. Не дай бог кто найдет. А если еще найдут в вещах капитана Хасана, состоящего на действительной службе в военном флоте повелителя правоверных... Нет, так рисковать не стоит. Тем более вся имеющаяся в книге информация уже запечатлелась в его тренированной памяти накрепко. И то, что раньше «знал», и то, что узнал только сейчас.

Достав медный тазик, Иван налил в него воды и положил туда книгу. Поверхность вскоре забурлила. Очевидно, листы бумаги были пропитаны каким-то веществом, вступающим в реакцию с водой, позволяющим быстро уничтожить если не саму книгу, то содержащуюся в ней информацию. Когда от книги остался лишь мокрый бесформенный комок из изогнувшейся

обложки и остатков переплета, Иван выбросил в окно каюты за борт то, что совсем недавно было секретными материалами, за которые разведка любой европейской страны не пожалела бы никаких денег, после чего задул светильник и прилег отдохнуть. Неизвестно, что принесет им день грядущий. Окружающие события стали развиваться быстрыми темпами, причем уже совсем не так, как это было в истории пришельцев. Их действия внесли серьезные коррективы в неспешный ход истории этого мира.

Утро началось с того, что капитан «Аль Ясат» элементарно проспал. Сказалось долгое ночное бдение. На палубе уже вовсю шла обычная суeta, среди которой монументом возвышалась фигура боцмана Мехмеда, руководившего процессом. Увидев Ивана, он тут же поспешил с докладом.

– Хасан-бей, доброе утро! Заставил с утра этих бездельников делом заняться, а то сколько можно прохлаждаться? На сегодня какие-нибудь распоряжения будут?

– Доброе утро, Мехмед-бей! А что меня с утра не разбудили?

– Так ведь не было ничего срочного, вокруг все тихо. Давут со своими еще как вчера в город ушли, так до сих пор и не пришли. А так больше никто не появлялся. Как будто забыли про нас.

– Ох, чувствую, скоро вспомнят... Да так вспомнят... Через час подготовьте шлюпку, надо на флагман наведаться...

Хоть Иван и не знал, когда именно «Айша» доберется до Туниса, но решил поторопиться. Ибо после получения приказа из Истанбула получить разрешение на самостоятельные действия от Кемаль-паши будет гораздо сложнее. Хоть и возможно, но все же сильно «давить» на него не хотелось. А так – начальство вроде бы и само не против. Командующий не теряет надежды, что его оставят зимовать в Тунисе для поддержания здесь порядка. Оно и хорошо – подальше от войны и от султана. Приказ начать боевые действия в Адриатике против венецианцев и австрийков будет для него пренеприятнейшим сюрпризом.

Когда шлюпка оказалась под бортом у «Перваз Бахри» и Иван поднялся на палубу флагмана турецкой эскадры, то удивился царившему там оживлению. Что-то произошло, о чем он еще не знал. Из разговоров матросов выяснились удивительные вещи – вроде бы скоро в Тунис должны прийти тринидадцы! Поначалу Иван даже не поверил. Но вахтенный офицер, к которому он обратился с просьбой доложить командующему о своем прибытии и испросить разрешения на аудиенцию, все подтвердил. Сегодня утром пришло сообщение из Алжира – на основании ранее достигнутых договоренностей командование тринидадцев обеспечит доставку различных грузов в Тунис в плане оказания помощи. В первую очередь продовольствия, а там и до всего прочего дело дойдет. Хоть какие-то приятные новости за последнее время!

Кемаль-паша не был занят и принял капитана своего разведывательного корабля довольно быстро. Войдя в адмиральскую каюту, Иван застал начальство в хорошем расположении духа. Значит, надо ловить благоприятный момент. Поздоровавшись, соблюдая принятый этикет, напомнил о своем предложении одиночного крейсерства. Адмирал, пребывавший в благодушном настроении, неожиданно огорошил его вопросом:

– Хасан, и что тебе не сидится? Зачем тебе это надо? Только не рассказывай мне сказки о том, что хочешь покарать гяуров, вероломно напавших на нас. Все равно не поверю. Уж я-то знаю вашего брата контрабандиста. Вы с самим иблисом торговать будете, если он даст хорошую цену. Не то что с гяурами. Хочешь под шумок свои дела поправить? Скажи честно, не бойся.

Такого пассажира от командующего Иван не ожидал. Видать, припекло. И понял, что настал очень важный момент. Либо Кемаль-паша станет его союзником, либо... Либо на эскадре вскоре появится новый командующий... Поэтому улыбнулся и спросил:

– Досточтимый Кемаль-паша, вы хотите честно?

– Разумеется. Во вранье ты до сих пор замечен не был. В отличие от некоторых. Я тоже живой человек и все прекрасно понимаю. Говори. Захотел венецианских торгашей тряхнуть? Да, там есть чем поживиться. Но не боишься действовать в одиночку в таком опасном районе?

– Не боюсь. Но дело не в деньгах. Вернее, не только в деньгах.

– Вот как?! Интересно! А в чем же еще?

– Я из не очень богатой семьи, досточтимый Кемаль-паша. И родился на задворках империи – в Азове. Никаких серьезных связей у меня там нет, а про Истанбул и говорить нечего. Думаете, от хорошей жизни я связался с контрабандистами? А сейчас мне выпал уникальный шанс сделать карьеру. Не буду вас обманывать – я хочу продвинуться на военной службе и достичь многого. Понимаю, что в одиночку это будет сделать очень трудно. Уже сейчас у меня хватает завистников, а дальше их станет еще больше. Досточтимый Кемаль-паша, в моем лице вы можете получить преданного человека, который может решать трудноразрешимые задачи. Вы согласны, что то, что нам с Давутом удалось сделать, выходит далеко за рамки обычного?

– Да уж, кто бы спорил. До сих пор удивляюсь, как у вас все получилось. И в Алжире, и в Тунисе. Но что ты конкретно предлагаешь?

– Дайте мне полную свободу действий. Тем более что эскадра пока все равно стоит в Тунисе, и очень может быть, что и зазимует здесь. В крайнем случае с разведкой справится «Кирлангич». Я же смогу появляться там, где меня не ждут, наносить удар и исчезать.

В Истанбуле обязательно узнают об этом, и вы скажете, что используете любую возможность для достижения победы. А неприятности венецианцам и австриякам я создам, не сомневайтесь. Это обязательно пойдет вам на пользу, как командующему эскадрой. Когда мы вернемся в Истанбул, я смогу выполнять любые ваши поручения, когда нужно действовать тихо и незаметно. Помогу вам избавиться от врагов, коих у вас, думаю, немало. Поверьте, мне это по силам. Вы же, продвигаясь вверх, сможете держать меня возле себя, и я смогу вовремя устранить грозящую вам опасность. А когда вы станете капудан-пашой, то я вполне смогу служить под вашим началом в чине адмирала османского флота.

– Ох ты аж куда замахнулся, Хасан!!! А не боишься шею свернуть?

– Не боюсь. Чтобы чего-то добиться, надо что-то делать.

Адмирал с удивлением и интересом смотрел на своего собеседника и молчал. В нем явно боролись противоречивые чувства, и Иван это прекрасно понимал. Еще в начале разговора он осторожно заглянул в душу командующего и понял, что его беспокоит. Поэтому сказал именно то, что он хотел услышать. Другой вопрос, что далеко не каждый решится на подобные откровения. Наконец, командующий принял решение.

– Да уж... Не буду скрывать, ты меня очень удивил, Хасан... И откуда ты такой взялся? Так значит, если говорить без словесных выкрутасов, ты хочешь добиться больших чинов и сделать хорошую карьеру на военной службе, оставаясь в тени такого человека, как я?

– Да, досточтимый Кемаль-паша. Помогая вам самому продвигаться вверх, всячески оберегая от происков недоброжелателей и самому расти в чине, но всегда оставаясь при вас на вторых ролях. Я реально смотрю на вещи. И отдаю себе отчет, что по-другому у меня никак не получится. В Истанбуле я никто, у меня нет никаких связей, и если только попытаюсь продвинуться куда-то, то сразу же наживу толпу врагов. А если буду оставаться при вас в качестве подчиненного, то на меня и внимание никто не обратит. Но в этом случае мне будет гораздо легче определить, откуда грозит опасность нам обоим, чтобы вовремя устранить ее.

– Не ожидал... Такое в глаза мало кто скажет... Похоже, я в тебе не ошибся, Хасан. Ты действительно способен на многое... Ладно, давай попробуем действовать так, как ты предло-

жил. Честно сказать, ты прав. Врагов в Истанбуле у меня хватает. Даже больше, чем ты думаешь. А после боя с Черной Бородой меня вообще могли бы сожрать. Хорошо, что с Тунисом так все хорошо и вовремя получилось. С твоей помощью, кстати. Я не верю, что все придумал один Давут. Уж слишком нестандартно вы действовали. Что тебе нужно для дела?

– Взять всю команду «Аль Ясат», часть команды с «Кирлангич» и перейти на «Шахин». Поскольку это бывшая «Мария Магдалина» венецианской постройки, то она вызовет гораздо меньше подозрений при встрече с венецианцами и австрияками, что позволит нам подойти как можно ближе. Вооружить ее хорошей артиллерией – бронзовыми двенадцатифунтовками. Новые пушки поискать среди трофеев, там обязательно должно найтись что-то стоящее. Для похода в Алжир на «Аль Ясат» нам требовалось полностью соответствовать виду местного купца, а теперь это не нужно. Нужно наоборот продемонстрировать всем османский флаг в Адриатике. Ну и запасов как можно больше.

– Что же, это в пределах разумного. Действуй, капитан Хасан! Бери «Шахин» и всех в команду, кого хочешь, я распоряжусь. Сколько дней тебе нужно на подготовку?

– Думаю, дней пять хватит, если удастся быстро найти подходящие пушки.

– Найдем. Я прикажу весь Тунис вверх дном перевернуть, но найти все, что тебе надо...

После разговора с адмиралом настроение у Ивана резко поднялось, и он энергично принялся за подготовку к выходу в море. Соответствующий приказ Кемаль-паша отдал сразу же, поэтому никаких эксцессов не возникло. Да и возникать им было не из-за чего, поскольку капитан и офицеры «Шахин» не горели желанием воевать и надеялись отстояться в Тунисе. В результате Иван собрал всех, кого хотел. Всех тех, с кем ходил в Алжир на «Аль Ясат», и всю старую команду «Кирлангич». Давут брал с собой всех своих янычар. Старшим офицером взяли Жана Блондо, чему бывший корсар был несказанно рад. Луи Моне остался старшим офицером на «Кирлангич». Вторым офицером пришлось взять нового человека – Пьера Дюрвиля, молодого парня из французских наемников. До этого он находился на «Перваз Бахри», но Кемаль-паша, понимая сложность предстоящего задания, сам порекомендовал Ивану толкового офицера, лично убедившись в его деловых качествах. Сложнее получилось с перевооружением «Шахин». То, что стояло на ней, никуда не годилось. Жан Блондо и Бахир, сохранивший должность старшего канонира, старые чугунные пушки, оставшиеся от венецианцев, забраковали сразу. После тщательных поисков на берегу все же нашли четырнадцать одинаковых бронзовых двенадцатифунтовок французского производства в хорошем состоянии. Со стрелковым и холодным оружием проблем не возникло, этого добра в Тунисе хватало.

Когда «Шахин» уже была готова к выходу, и Иван собрался на следующее утро покинуть Тунис, накануне вечером он отпустил всю команду в город, а сам направился на встречу с Юсуфом. Вчера он обнаружил сигнал о необходимости встречи в условленном месте, и сегодня его должны ждать. Непонятно, что такого важного случилось, что Юсуф вышел на связь. Но ясно, что по пустякам бы его тревожить не стали. Сегодняшний вечер – последняя возможность получить свежую информацию. Завтра с утра он уже не сможет вырваться в город. Да и поторапливаться надо, пока «Айша» не вернулась. А то как бы Кемаль-паша не передумал отпускать его одного.

Юсуфа он заметил издалека, хотя народу на вечерней улице хватало. Связник снова выглядел, как рядовой обыватель, не привлекая внимания. Иван внимательно наблюдал за окружающей обстановкой, но опасности не обнаружил. Зайдя за угол в небольшой проулок, где было малоллюдно, остановился и сделал вид, что роется в сумке. Связник вскоре оказался рядом. Убедившись, что их никто не слышит, быстро сообщил:

– Хасан, важные сведения для вас. В Триест позавчера пришли еще четыре двухдечных линейных корабля и три фрегата французской постройки. Команды из французов, но они только на перегон до Триеста. Насколько нам известно, команд из австрийцев у импера-

тора Леопольда на все корабли не хватит, поэтому он будет брать наемников. О вашем задании одиночного крейсерства в Адриатике командование в курсе. Не попадитесь австриякам. Те фрегаты, что входили в эскадру commodora Майера, вооружены казнозарядной нарезной артиллерией. Калибр сто пять миллиметров, стреляют фугасными снарядами. Имеются также зажигательные снаряды, которыми сожгли турецкие корабли в Чесменской бухте. Вся нарезная артиллерия – австрийского производства.

– Быстро они развернулись... А на вновь прибывших кораблях – дульнозарядное старье?

– Именно старье. Король Франции знает, что австрийцы все равно меняют артиллерию на свою, поэтому избавился от старого хлама, еще и содрал деньги за него, как за новые пушки. Формально не придратся – все корабли вооружены согласно проекту.

– Понятно. Известен точный состав флота австрийков и венецианцев? Хотя бы главные силы?

– Да. У Австрии четыре линейных корабля, что только что прибыли, и девять фрегатов с уже имеющимися. Все корабли новые, французской постройки. Плюс около трех десятков разнообразной мелочи, из которой реальную боевую ценность представляет лишь бригантина «Валькирия» французской постройки, которую Майер держит при себе, как быстроходного разведчика. Еще две такие же бригантины стоят в Триесте и проходят перевооружение, они пока не готовы к выходу в море. У Венеции флот гораздо более многочисленный, но морально устаревший. В боевой готовности находятся восемь линейных кораблей, четырнадцать фрегатов и восемь крупных галеасов. Есть корабли, стоящие на приколе, сейчас их спешно пытаются ввести в строй, точное количество неизвестно. В том числе и старые галеры. Ну а разнообразной мелочи, какую они могут мобилизовать, просто огромное количество. Сотни четыре точно будет, но скорее всего больше.

– Ясно. Как ведет себя Папская область, известно?

– В войну открыто не вступила. Но римский понтифик всячески поддерживает Венецию, помогая деньгами и различным снаряжением. Вот солдат в помощь не дал...

Выяснив еще ряд вопросов, Иван расстался со связником и поспешил обратно в порт. Не доверять информации тринидадцев не было оснований. А это значит, что для Османской империи серьезные проблемы вскоре начнутся не только на суше, но и на море. Надо срочно уходить, пока не пришли новости из Истанбула. В Адриатике он будет сам себе хозяин, и в случае какого-либо недовольства со стороны высокопоставленного начальства всегда можно сказать, что у него не было связи с командующим эскадрой, поэтому он действовал на основании полученного ранее приказа. А приказ этот гласил: наносить максимально возможный урон противнику всеми доступными средствами. А какие у него средства? Всего лишь одна шебека, пусть и хорошо вооруженная. Но имея всего лишь один небольшой, но очень быстроходный и «кусачий» кораблик, можно создать такие неприятности врагам, что они будут вынуждены забросить некоторые дела и заняться попытками устранить источник беспокойства. Что и требуется. Ну а попутно можно и о себе любимых позаботиться. Одиночное крейсерство – это трофеи, за которые ни перед кем не надо отчитываться. Сколько на самом деле они «натрофеят», никто не узнает. Да и Венеция будет рядом... Чем черт не шутит, а вдруг удастся приоткрыть завесу тайны, кто же начал строить козни против него лично, начиная еще с имитации покушения в Кафе? И какая конечная цель всей этой непонятной возни? Куда он случайно влез по незнанию? Пока что ничего толком не ясно, но все ниточки ведут в Венецию...

За ночь ничего не случилось, и рано утром, подняв паруса, «Шехин» выскользнула из Тунисского озера, направившись в сторону восточной оконечности Сицилии. Приказ из Истанбула о походе в Адриатику еще не дошел до Туниса, хотя новости о разгроме турецкого флота в Чесменской бухте вчера начали обсуждать в городе. Как всегда, очень искаженные, где желе-

мое выдавалось за действительное. Силы врага значительно преувеличивались, а потери турецкого флота здорово преуменьшались. Но информация была на уровне слухов, никто не знал подробностей. Поэтому команды кораблей эскадры Кемаля-паши пребывали в счастливом неведении, предвкушая длительную спокойную зимовку далеко от театра военных действий и от возможного гнева повелителя правоверных. Все же служба в захолустье имеет свои преимущества перед службой в столице во время войны. Своим на «Шехин» Иван ничего говорить не стал. Просто выразил сомнение в достоверности слухов, касающихся боя при Чесме. Откуда у Черной Бороды могла взяться огромная эскадра, если буквально перед этим он здорово потрепал их самих в Тунисском заливе, имея всего лишь четыре фрегата и одну бригадину? Воистину у страха глаза велики.

Глава 2. Между крестом и полумесяцем

За весь переход до пролива Отранто, разделяющего Ионическое и Адриатическое моря, ничего важного не случилось. Погода была свежая, но не штормовая, поэтому «Шахин» быстро неслась по волнам, обходя стороной всех встречных. Заявлять о себе раньше времени Иван не хотел. Мало того, даже приказал спустить османский флаг и поднять французский, а также закрасить название на бортах и корме. Одновременно пояснил боцману наличие большого количества краски разных цветов, полученной перед отходом из Туниса. Нужно быть готовым после каждой акции несколько изменить внешний вид «Шахин», чтобы она не примелькалась, с целью создать у противника ложную уверенность в том, что против него действует целая группа быстроходных охотников-одиночек, не вступающих в бой с главными силами, а занимающихся тем, что в мире пришельцев стали называть рейдерскими операциями. То есть, когда во главу угла ставится не банальный грабеж на большой морской дороге, чем здесь все привыкли заниматься, и не генеральное сражение с вражеским флотом, имеющее конечной целью установление своего господства на море, а дезорганизация грузовых перевозок противника, вынужденного отвлекать на поимку таких охотников большие силы и переходить к системе конвоев, что сильно скажется на сроках доставки важных грузов. Тем более действовать так, чтобы не оставлять свидетелей, Иван не хотел, да это и не требовалось. Наоборот, нужно было максимально способствовать распространению панических слухов по всему побережью Адриатики, что нашлась сила, способная бросить вызов могущественной Венеции, которая до сих пор считала Адриатику своей вотчиной. Из истории пришельцев он знал об успешных действиях такого рода, вот и решил применить чужой опыт на практике с поправкой на окружающую действительность. Своей базой решил сделать Рогузу, как многие в Европе сейчас называли Дубровникскую республику. Уникальное небольшое государство, расположенное на восточном побережье Адриатики и формально независимое, но фактически находящееся под сильным влиянием Османской империи. Правда, того же самого пыталась добиться и Венеция, и определенных успехов в этом она уже добилась. Тем не менее, несмотря на неоднократные попытки подчинить себе Рогузу, Дубровник за всю историю своего существования так и не был взят. Поэтому являлся своеобразным связующим звеном между христианским и мусульманским миром в этом регионе, через который шла вся торговля. На его улицах можно было встретить как подданных Османской империи, так и венецианцев, генуэзцев и французов. Золото не имеет национальности, и если презренный магометанин, или проклятый гяур дает хорошую цену, то почему бы этим не воспользоваться? А в последнее время, благодаря вмешательству тринидадцев в европейские дела, значение Дубровника, как открытого порта и территории с нейтральным статусом, еще более выросло. Обеим сторонам давнего тлеющего конфликта между крестом и полумесяцем оказалось очень *выгодно* иметь у себя под боком такое удобное место, где можно, не вступая в конфликт со своим сюзереном, спокойно обстреливать различные сомнительные, но очень прибыльные дела с потенциальным противником. Когда началась война между Священной Римской и Османской империями, куда влезла еще и Венеция, намереваясь погреть руки на очередной балканской заварушке, контакты между представителями враждующих сторон несколько уменьшились, но не прекратились совсем. Разумеется, все они носили приватный характер и не афишировались, но суть дела от этого не менялась. Торговля шла, как и раньше. На войне, особенно на *чужой* войне, наживались многие. И если удавалось провернуть хорошую сделку с представителями противоположной стороны, ни у кого это не вызывало удивления или осуждения. Среди европейских купцов уже давно действовало правило тринидадцев, которому они сами следовали неукоснительно – «Ничего личного! Только бизнес!».

Иван разложил карту на столе в своей каюте и прикидывал, каким образом можно пробраться незамеченным в Триест и Венецию. Разумеется, речь шла не о «Шахин», а о какой-нибудь местной рыбацкой посудине, на которую никто не обратит внимания. Конечно, это будет неимоверной наглостью с его стороны, но почему бы не попробовать? Для начала с целью разведки. А если все сложится удачно, то можно неплохой тарарам устроить. Тем более с его возможностями. Вот и пусть австрияки и венецианцы ищут несуществующую группу диверсантов. Но это надо как следует обдумать... За этим делом и застал его Давут, ввалившись в каюту.

– Хасан, там какая-то лоханка появилась и к нам наперерез идет! Причем быстро! Может, тряхнем?

– Что за лоханка? «Купец» или военный корабль?

– Полакр, так что вряд ли военный. Но флага пока не видно.

– Скорее всего, сицилийцы, здесь их вотчина. Венецианский «купец» к нам бы не спешил, а наоборот старался держаться подальше. Австрияки же поодиночке здесь ходят... Ну пойдем, поглядим, кого это нам Аллах послал...

Выйдя на палубу и глянув в бинокль, Иван сразу определил – действительно полакр, Давут не ошибся. Идет со стороны итальянского берега, причем явно стараясь перехватить «Шахин», и находится на ветре. И флага на мачте вообще нет. Неужели местные пираты пожаловали? Ну-ну...

– Скорее всего, это сицилийские пираты. Приготовиться к бою. Бахира ко мне.

Сразу же все пришло в движение. Команда разбегалась по своим местам, и вскоре старший офицер доложил:

– Мон капитан, корабль к бою готов!

– Хорошо, месье Жан. Пока сохраняем курс. Когда останется мили полторы, разворачиваемся и идем по ветру. Якобы убегаем. Как только они откроют огонь, тут же «струсим» и уберем паруса. Но не все, оставим часть, чтобы иметь ход и хорошо управляться. На палубе остаются только матросы, работающие с парусами. Канонирам спрятаться за фальшбортом и не высываться.

– Хотите усыпить их бдительность и потом атаковать?

– Да. Пусть до последнего принимает нас за пытающегося удрать «купца», у которого небольшая команда, и она не горит желанием воевать за хозяйское добро. Давут, твоим янычарам приготовить оружие для абордажа и быть наготове в трюме. На палубе не маячьте. Бахир, твоя задача: зарядить пушки картечью и ждать моей команды. Щиты не убирать. Мы будем уходить, но так, чтобы эти мерзавцы нас догоняли и приближались с кормы. Я постараюсь заманить их под продольный залп наших кормовых пушек. Сможешь как следует проредить эту толпу, что сейчас довольно облизывается, глядя на нас? Их там сотни две, не меньше.

– Смогу, капитан! Стрелять буду лично, чтобы наверняка.

– Я надеюсь на твое искусство, Бахир. Всё, по местам! Изображаем трусливого «купца». И да поможет нам Аллах!

Корабли шли пересекающимися курсами, и было ясно, что они должны встретиться в одной точке. Уже хорошо можно было разобрать большое количество вооруженных людей на палубе полакра, и никаких сомнений в его намерениях больше не было. Когда расстояние сократилось до полутора миль, на «французском купце» как будто бы поняли о грозящей опасности и, резко изменив курс, бросились наутек. Сразу же грянул выстрел носовой пушки полакра, но ядро упало в воду, не долетев до цели. Это сразу же вызвало «панику». Во всяком случае, со стороны это выглядело именно так. Матросы бросились к мачтам и стали убирать паруса, оставив лишь самый минимум, достаточный для поддержания хода и управления. Иван

уже переоделся в европейскую одежду и стоял на юте, разглядывая в бинокль преследователей. Рядом находился старший офицер, сжимающий кулаки и вполголоса сыпавший ругательствами в адрес своих бывших «коллег» по пиратскому ремеслу. Старый французский корсар неожиданно для себя сам оказался на месте потенциальной добычи. Рулевой на руле также изображал матроса-европейца, маскарад с одеждой Иван продумал до мелочей заранее. Канониры кормовых орудий во главе с Бахиром спрятались за высоким фальшбортом, и их со стороны не было видно. Перед алчным взором преследователей была малолюдная палуба слабо вооруженного «купца», на юте которого стоят два хорошо одетых европейца и разглядывают догоняющий их полакр, да матрос на руле, которого можно вообще не считать.

Иван ждал, когда пираты подойдут как можно ближе. Там уже поняли, что добыча убежать не собирается, и предвкушали легкую победу. Что поделаешь, не учит жизнь некоторых. Уверовав в свою силу, они забывают, что, кроме силы, есть еще и хитрость. И зачастую хитрость помогает победить тех, кто понадеялся лишь на грубую силу...

Занявшись перевооружением «Шахин» в Тунисе, Иван не ограничился простой установкой более мощных и новых пушек. Он прекрасно понимал, что может повстречаться с гораздо более сильным противником, против которого и хорошие бронзовые двенадцатифунтовки не помогут. Значит, нужна какая-то хитрость, которая поможет обмануть врага и обеспечит хотя бы временное преимущество в самом начале боя. И такую хитрость он придумал, чем вызвал сильное недоумение всех остальных. Из истории пришельцев он знал о действиях немецких рейдеров, переоборудованных из грузовых судов. И знал, что там палубные орудия очень умело маскировались. Так почему бы и на «Шахин» не сделать что-нибудь подобное? Новые пушки установили несколько необычно. В кормовом фальшборте орудийные порты были заделаны специальными щитами, которые можно было легко откинуть в любой момент. Причем сделаны эти щиты были так незаметно, что даже на небольшом расстоянии создавалось впечатление сплошного фальшборта. Систему крепления и гашения отката орудий также несколько видоизменили, поэтому теперь они могли вести огонь прямо с того места, где находились. То есть не нужно было выкатывать орудие максимально вперед, чтобы ствол вышел из орудийного порта. В самих щитах были сделаны отверстия, через которые канониры, укрывшись за высоким фальшбортом, могли наблюдать за приближающимся противником и подавать команды рулевому, чтобы поворотом корпуса корабля навести орудия точно на цель, оставляя их невидимыми для врага. На самом же фальшборте «для порядка» стояли два небольших вертлюжных фальконета, практически бесполезные в серьезном морском бою и пригодные разве лишь для того, чтобы беспокоить противника. Иными словами, со стороны кормы «Шахин» выглядела довольно безобидно. И тот, кто решится на нее напасть, захочет воспользоваться этим обстоятельством. То, что при этом он будет все время находиться под прицелом двух двенадцатифунтовых пушек, противнику до поры до времени знать необязательно. В теории все получалось неплохо, теперь осталось проверить идею на практике.

«Шахин» медленно шла по ветру, неся минимум парусов. Бахир приник к пушке левого борта и внимательно наблюдал за приближающимся кораблем. Там уже не сомневались в успехе, с жадностью поглядывая на «француза». Иван решил соблюдать маскарад до конца, поэтому на мачте «Шахин» развевался французский флаг. Вот дистанция сократилась почти до одного кабельтова. Полакр быстро догонял едва плетущуюся «Шахин», следуя строго в кильватер. Иван и старший офицер стояли на юте и молча наблюдали за противником, демонстрируя нежелание оказывать сопротивление. Дистанция уменьшилась еще больше, осталось порядка пятидесяти метров. Пора. Иван лишь поинтересовался:

- Бахир, готов?
- Да, капитан! Он у меня на мушке!

– Огонь!!!

Упали щиты, закрывающие оружейные порты, и в то же мгновение грянул залп. Ют заволокло дымом, но вскоре он рассеялся, и тем, кто находился на корме «Шахин», открылось жуткое зрелище. Бахир приказал выставить кормовые орудия параллельно друг другу и лично наводил одно из них, подавая команды рулевому, поэтому догоняющий их полакр попал под сосредоточенный залп картечи. Поскольку пираты были готовы к abordажу и стояли на палубе плечом к плечу, картечь собрала обильную жатву. Фальшборт на баке полакра просто исчез, и за ним вся палуба была усеяна растерзанными человеческими телами. Конечно, выкосить всех пиратов вряд ли удалось, кто-то все равно должен был уцелеть, но потери противника оказались чудовищны. Такелаж парусов перебило и корабль сицилийцев рыскнул в сторону. Тем же, кто уцелел, сейчас было не до abordажу. Поняв, что угодили в ловушку, они суеились на палубе и попытались развернуться, чтобы удрать, но было поздно. «Шахин» начала выполнять поворот, чтобы ввести в дело свои бортовые пушки, и когда противник оказался на траверзе правого борта, залп картечи снова обрушился на палубу полакра. Корабль потерял управление, и его развернуло бортом к волне. Порванные паруса заполоскали, и недавний преследователь стал неподвижной мишенью. Кто-то из уцелевших пиратов попытался оказать сопротивление и выстрелил из двух пушек, но неудачно. «Шахин» же, развернувшись, пошла на сближение, дав залп картечью из носовых пушек с малой дистанции. Это окончательно решило исход боя. На палубу «Шахин» высыпали янычары, готовые открыть огонь из ружей, но сопротивления больше не было. Полакр, на корме которого удалось разобрать название «Мадонна», дрейфовал по ветру с изорванными парусами и такелажем, не подавая признаков жизни. Давут, появившийся на юте и внимательно наблюдавший за кораблем противника, поинтересовался:

– Возьмем на abordаж этих мерзавцев?

– Да. Сейчас подойдем поближе. Предупреди своих, чтобы стреляли без промедления, едва кто-то захочет приблизиться к пушкам или взять в руки оружие. Не будем рисковать.

– Пленные нужны?

– Если кто сам сдастся. Береги людей, Давут. Бессмысленные потери и пленные ради пленных нам не нужны. Все равно это обычные пираты...

Вскоре «Шахин» оказалась под бортом у «Мадонны», на палубу которой полетели abordажные «кошки». Два корабля сцепились, раскачиваясь на волнах, но Иван сумел развернуть их и идти по ветру, чтобы уменьшить бортовую качку. Янычары тут же бросились на «Мадонну», готовые применить оружие, но сопротивляться было некому. Три картечных залпа с малой дистанции не оставили пиратам никаких шансов. Палуба «Мадонны» была залита кровью и устлана изувеченными телами; некоторые из них были еще живы. Для неподготовленного человека зрелище жуткое, но янычары уже привыкли к подобному, поэтому быстро распределились по палубе «Мадонны», не обращая внимания на окружающее. Все же удалось отыскать шестерых живых и относительно целых пиратов. Четверо были ранены, хоть и не смертельно, а двое отделались синяками и ссадинами, но приложило их хорошо, поэтому к сопротивлению они оказались не способны.

Оставив на «Шахин» командовать старшего офицера, Иван перебрался на трофей, когда доложили, что корабль полностью контролируется и сюрпризов можно не опасаться. Стараясь не наступать на то, что недавно было сицилийскими пиратами, прошел на ют «Мадонны», где уже распоряжался Давут, по горячим следам допрашивая пленных. Иван окинул взглядом шестерых перепуганных людей. Их можно было понять. Вместо ожидаемой легкой добычи – французского «купца», нарваться на турецкий корабль, в состав команды которого входят янычары, снискавшие мрачную славу у всех европейцев. И теперь эти горе-воины с ужасом глядели

на окруживших их янычар и отвечали на вопросы Давута, даже не думая запираяться. Однако уже было ясно, что попалась мелкая рыбешка. Простые матросы, такие много не знают...

– Ну, что тут у тебя, Давут?

– Ты был прав, Хасан. Это сицилийские пираты, вышли из Рипосто. Разбойничали два месяца в Адриатике и сейчас возвращались обратно. Мы им случайно попались. Вот и решили нечестивцы напоследок еще пожить.

– И Аллах покарал их за это. Награбили много?

– Много. Грабили всех подряд, не обращая внимания на флаг.

– Это, как я понимаю, простые матросы?

– Да. Капитан и все офицеры погибли. А с этих толку нет. Трясутся от страха и все рассказывают, да только ничего действительно важного не знают.

– Жаль... Ладно, что есть – то есть. Дай команду, чтобы проверили все помещения как следует, а мы пока осмотрим капитанскую каюту. Может, что интересное найдем...

Интересного оказалось много. Даже очень. Капитанская каюта на «Мадонне» оказалась настоящим кладом сокровищ. Очевидно, пиратский капитан не особо доверял своим подчиненным, поэтому держал награбленные ценности поближе к себе. И из увиденного стало ясно, что «добрые католики» грабили не врагов святой церкви магометан, а своих единоверцев-христиан. Золотые и серебряные монеты французской, испанской, английской, папской и венецианской чеканки соседствовали с ювелирными украшениями и богато украшенным оружием. Различного барахла, которое тоже обычно прихватывают пираты, не было. Очевидно, капитан не опускался до такой мелочности, сосредоточив внимание лишь на действительно ценных вещах. Давут ошарашенно перебирал золото и драгоценности, запуская руку в один из открытых сундуков.

– Хасан, так это что же получается?! Они начали жрать друг друга, как крысы?!

– А чему ты удивляешься, Давут? Это не воины. Это пираты. Им все равно, кого грабить. Гяур, правоверный, для них нет никакой разницы. Сейчас резко увеличились перевозки между Францией, Венецией и Австрией, вот они и вышли на «промысел» в этот район. И поскольку османских кораблей в Адриатике сейчас нет, вот они и грабили то, что есть. А у французских купцов есть, что взять.

– И не боятся, что об их делах узнают городские власти, когда они вернутся?

– Совершенно не боятся. Здешние власти – по сути те же пираты, прикрытые позолотой благочестия. Что на Сицилии, что в Венеции. Ты думаешь, они ничего не знают? Прекрасно знают. Мало того, еще и всячески поддерживают пиратство, прикрывая это громкими фразами о борьбе с магометанами и скупая лучшую часть награбленного. А то, что покрываемые ими пираты грабят не только наши корабли, но и корабли их единоверцев-гяуров, делают вид, что «не знают». Можно подумать, наши магрибские беи чем-то отличаются. Те тоже грабят всех подряд.

– Согласен... Но что теперь делать будем? Если мы появимся в Рогузе с такими трофеями, то как бы нас самих за пиратов не приняли.

– Возьмем только деньги, ценности, порох и провизию. Деньги сразу поделим между командой. На них не написано, кому они раньше принадлежали. А вот все золотые цапки с камушками – от греха под замок до более удобного случая. Вернемся в Тунис или в Истанбул – там с ними разберемся. Здесь нельзя их показывать, уж очень есть вещицы приметные. То же самое и дорогое оружие – ничего не брать. А то как бы не опознали. Барахло тоже не брать. В общем, займись трофеями. Если найдешь что интересное и необычное – скажешь. А я пока бумаги посмотрю...

Отправив Давута разбираться с трофеями, Иван занялся найденными в каюте бумагами, которых оказалось неожиданно много. Капитан «Мадонны» почему-то забирал всю почту и документы с захваченных кораблей и аккуратно складывал в отдельный сундук. Мало того, в столе нашлась тетрадь, где капитан вел подробные записи, где и когда был ограблен очередной корабль, его название и флаг, а также что удалось с него взять. Это было настолько не похоже на действия обычного пирата, что Иван вызвал двух янычар и велел им доставить на борт «Шахин» сундук со всеми найденными бумагами, чтобы ознакомиться с ними не торопясь. Задерживаться возле «Мадонны» было нельзя. А то как бы свидетели не появились. Обшарив как следует каюту, нашел тайник, но там оказались не ценности, а какие-то запечатанные склянки. Скорее всего – яд. Помня, что в хозяйстве все может пригодиться, прихватил и это.

Когда все ценности, провизия и порох были перегружены, «Шахин» отошла от борта обреченной «Мадонны», на которой все сильнее разгорался пожар. Живых к этому времени на ней уже не осталось. Хорошо, что за все время, пока возились с пиратами, никто так и не появился. Берег Апеннинского полуострова был довольно далеко, так что если кто и видел их бой, то подробностей все равно не разобрал, и опознать бы оба корабля не смог. Подняв все паруса, «Шахин» быстро удалялась на север, оставив за кормой полыхающий костер на воде. Поскольку пороха на «Мадонне» не осталось, она не взорвется, и сгорит дотла, скрыв все следы недавнего боя. Пока еще рано заявлять о себе. Пусть Венеция и Австрия как можно дольше остаются в неведении о том, что в их владениях появился небольшой, но довольно сильный и быстроходный охотник. Который не нападает на отдельные купеческие суда ради добычи, как пират, а просто уничтожает все, что ему по силам и до чего может дотянуться. Как говорится, если не съем, то понадукусываю. Тактика для этого времени несколько необычная. Но всегда что-то бывает в первый раз.

Убедившись, что вокруг все спокойно, Иван предоставил Жану Блондо и Давуту заняться сортировкой и дележом трофеев, а сам уединился в каюте и начал внимательно читать найденные бумаги. Чего здесь только не было. Перечни грузов, коммерческая переписка, частная почта, рекомендательные письма, офицерские патенты и многое другое. Причем бумаги не свалены в одну общую кучу, а аккуратно разложены по своему содержанию и назначению. Чем больше Иван вникал в это, тем больше у него крепла уверенность, что не все так просто с этой «Мадонной». Обычным пиратам такой упорядоченный «архив» ни к чему. Они, наоборот, стараются избавиться от всех улик. Здесь же... Мало того что сохранили и рассортировали все бумаги, так еще и вели подробные записи всех своих «подвигов». Что-то здесь не так...

Что ему вообще известно о королевстве Сицилия? Формально оно является вассалом Испании. Фактически – у Испании просто руки не доходят контролировать должным образом этот сложный и взрывоопасный регион, где далеко не все питают верноподданнические чувства к своему сюзерену. Власть испанской короны существует здесь лишь на бумаге. А реально всем заправляют местные аристократы, устанавливая свои порядки на подконтрольной им территории. Причем чем дальше от крупных портов, тем все меньше королевство напоминает единое государство. Местные графы и бароны плюют на официальные власти и творят, что хотят. Не здесь ли разгадка? Может быть, кто-то под шумок очередной европейской заварушки решил не довольствоваться тем, что имеет, а стать королем Сицилии, покончив с зависимостью от Испании? Или несколько более упрощенный вариант – сохранить статус-кво в отношениях с Испанией, но при этом расширить свое влияние внутри королевства? И пиратство в водах Адриатики – лишь прикрытие, а истинной целью является перехватывание всей идущей в Венецию и в Австрию корреспонденции? И эта «Мадонна» – далеко не единственная? Есть и другие охотники, выполняющие ту же задачу? Такое вполне может быть...

Внимательно разобрав все бумаги, Иван так и не нашел ни одной зацепки, способной подтвердить возникшие подозрения. Но это, в конце концов, не его уровень и прямого отно-

шения к выполнению поставленной задачи не имеет. А вот сообщить о своей находке тринидадцам надо обязательно. Возможно, они что-то знают. Да и сами бумаги могут пригодиться, если понадобится нанести визит в Венецию или Триест. Из большого количества рекомендательных писем вполне можно выбрать что-то подходящее, что не вызовет подозрений. Да и своими личными делами можно будет заняться...

Иван вынул перстень с изумрудом и еще раз внимательно рассмотрел свой трофей, взятый в ходе захвата «Марии Магдалины», как раньше называлась «Шахин». Он был точной копией перстня, взятого в доме купца Ибрагима в Кафе, с чего началась цепочка странных событий. И точной копией перстня, который он видел на руке купца Сердара в Тунисе, который на поверку оказался вовсе не Сердаром, а непонятно кем. Как же связаны эти события? И кто стоит за покушением на него в Кафе? Причем не настоящим покушением, а имитацией покушения, имеющей цель заставить его раскрыться, проявив свой дар характерника? Количество вопросов, на которые нет ответа, растет все больше и больше...

После пролива Отранто «Шахин» шла вдали от берега и старалась держать дистанцию со всеми обнаруженными кораблями, но никто ей больше не заинтересовался. И вот наконец-то Дубровник, он же Рогуза. Древний город-государство, оказавшийся на стыке интересов христианского и мусульманского мира. По времени прибытия подгадали так, чтобы прийти с рассветом. И вот теперь Иван внимательно рассматривал в бинокль открывшуюся перед ним картину, думая, что здесь изменилось после того, как они покинули Тунис?

Первое, что бросилось в глаза, внешний рейд, полный кораблей самых разных типов и размеров. Это значит, что торговля идет, как и раньше. Преобладали венецианские и французские «купцы», но кое-что резко выделялось на их фоне. И на это «кое-что» сейчас глазела вся команда «Шахин», высыпав на палубу. Особенно те, кто не был в Алжире во время их первой разведывательной операции. А те, кто был, пытались объяснить остальным ситуацию в той мере, в какой они ее понимали.

На рейде Дубровника стояли корабли тринидадцев. Два огромных броненосных фрегата и три грузовых барка резко контрастировали с окружающей мелочью. Вскоре удалось прочесть названия на бортах – фрегаты «Козьма Минин» и «Дмитрий Пожарский», барки – «Пассат», «Муссон» и «Тайфун». Причем, что удивило Ивана в самом начале, у барков не было видно таких же высоких дымовых труб между мачтами, как у фрегатов. Труба была всего лишь одна – между грот- и бизань-мачтой, да и размеры ее были поменьше. Но в памяти тут же всплыла информация – на этих грузовых кораблях стоят машины другого типа. Не паровые, как на военных кораблях, а двигатели внутреннего сгорания.

Иван уже перестал удивляться свалившимся на него новым знаниям. «Теперь ты знаешь то, что знаю я». Эти слова Дианы Санчес хоть и не раскрывали сути случившейся с ним метаморфозы, но, по крайней мере, объясняли причину ее возникновения. Когда они встретятся, то поговорят открыто. Диана сама об этом сообщила в переданной книге. А пока нужно с максимальной пользой, но очень осторожно применять этот неожиданный дар, чтобы не дать повода для подозрений. А то чрезмерная информированность капитана Хасана может вызвать множество глупых вопросов у окружающих. Нельзя выходить из образа человека, который *видел* захват Алжира, но кроме внешнего вида кораблей Русской Америки и того, что они натворили в Алжире, большего, по идее, знать не должен. Ибо никто не поверит, что ему за столь короткое время удалось узнать секреты тринидадцев, даже толком не пообщавшись с ними. Давут, считающий Ивана демоном в человеческом обличье, еще может поверить. Но вот остальные – нет. И что тут вообще делают эти корабли? Как оказалось, этот же вопрос интересовал и старшего офицера, стоявшего рядом и внимательно разглядывающего в бинокль внешний рейд Дубровника.

– Сюрприз, месье Хасан... Не ожидал, что эти ребята такие шустрые...

– Вы имеете в виду тринидадцев, месье Жан?

– Да. Думаю, что эти прохиндеи решили наложить лапу на Рогузу и сделать из нее второй Якобштадт.

– В каком смысле?

– Практически сразу, как только в наш мир провалился «Тезей», его команда не только прибрала к рукам Тринидад, но еще и наложила лапу на находящийся рядом Тобаго. Остров гораздо меньших размеров, на котором ни черта не было, кроме небольшой нищей деревушки Якобштадт, основанной переселенцами из Курляндии. На Тобаго нет золота и серебра, поэтому испанцы и не обращали на него внимание. Якобштадт дышал на ладан. Это было, пожалуй, самое убогое захолустье на Карибах. Но с появлением тринидадцев все изменилось. Они превратили Якобштадт в порто-франко, то есть порт беспошлинной торговли, вложив туда кучу денег, и объявили Тобаго нейтральной территорией, где могут без опаски торговать все, без оглядки на национальность и вероисповедание. И что же вы думаете? Очень скоро Якобштадт стал настоящей Меккой Нового Света для купцов из многих стран. Сейчас там крутятся такие деньги, которые и не снились портам Европы.

– И никто не попытался его ограбить?! Ведь в Карибском море в то время процветало пиратство!

– Ну почему же? Один раз придурки с Ямайки попытались. Был там один тип – Роберт Сирл. Прохвост редкостный, пробы негде ставить. Но и редкостный везунчик, тоже надо признать. Так вот этот Сирл собрал флотилию около трех десятков вымпелов и высадил ночью десант на Тобаго. Закончилось это для джентльменов из Порт-Ройяла очень плохо. Уйти сумели немногие, а остальных или перебили, или взяли в плен. Причем на обратном пути тринидадцы каким-то образом уничтожили все корабли Сирла, оставив лишь один его «Кагуэй». Остальные либо взорвались сами по себе, либо просто утонули. Скорее всего, сделали это специально, чтобы в Порт-Ройяле поскорее узнали о случившемся и сделали выводы. После этого никто не пытался нападать на Тобаго. Хватило одного раза.

– Очень интересно! А что же стало с этим Робертом Сирлом? Если вы сказали, что он редкостный везунчик?

– По возвращению в Порт-Ройял он вдрызг разругался с губернатором Ямайки Джорджем Монком, сначала был не у дел, поскольку после такого провала никто не хотел с ним связываться. Но вскоре занялся какими-то махинациями, не связанными с грабежом испанцев. Никто толком не знал, что он делает, но деньги у него появились. Сирл всегда держал нос по ветру и очень вовремя удрал из Порт-Ройяла. Буквально перед взятием Ямайки испанцами. После этого появился на Барбадосе в Бриджтауне. Официально – возил на своем «Кагуэе» грузы между Якобштадтом и Бриджтауном. Но чтобы Сирл возил грузы, как обычный купец?! Не верю! Скорее всего, он и в Бриджтауне что-то мутил, а перевозка грузов – всего лишь прикрытие, чтобы легально появляться в Якобштадте.

– И тринидадцы его не тронули?! Ведь они должны были знать, что это он стоит за попыткой нападения на Тобаго!

– Не тронули.

– А почему?

– Точно не знаю. Скорее всего, не захотели поднимать шум, чтобы не отпугнуть английских купцов. Ведь скрыть бы такое не удалось. Поэтому сделали вид, что не знают об участии Сирла в этой аванюре. Тем более после возвращения с Тобаго Сирл больше не пытался заниматься прежними делами. И тринидадцы не могли этого не знать.

– А куда он потом делся?

– А вот это самое интересное! Снова успел удрать, едва запахло жареным! Буквально перед тем, как тринидадцы захватили Барбадос. Может, случайность, а может, что-то пронюхал заранее. Тем не менее, когда Бриджтаун был взят войсками тринидадцев, Сирл в это

время уже приятно проводил время в Якобштадте. Потом исчез. И совсем недавно я узнал, что этот висельник – один из самых богатых и уважаемых людей в Новороссийске! Так тринадцатцы переименовали Нью-Йорк, когда вышвырнули из него англичан. Живет там припеваючи, совершенно не скрываясь, и никто его не трогает! Вот такие дела, месье Хасан. Одно слово – везунчик, баловень фортуны. Далеко не каждому так везет.

– Да-а, удивительно! Но давайте вернемся к Рогузе. Что вы подразумевали, говоря о втором Тобаго?

– Тринидадцы могут сделать предложение властям Рогузы, от которого невозможно отказаться. А именно – статус нейтральной территории с гарантией обеспечения нейтралитета своей армией и флотом в случае попыток нарушить этот статус кем бы то ни было. Это очень выгодно как Рогузе, так и Русской Америке. Сейчас поблизости идет война, и Рогуза действительно может стать вторым Якобштадтом. А ссориться с тринидадцами никто, находясь в здравом уме, не будет...

Спорить с такой постановкой вопроса было глупо. После быстрого захвата тринидадцами Алжира и всей западной части Магриба вряд ли найдется кто-то в Средиземноморье, рискнувший встать им поперек дороги. Но вот приглядывать будут обязательно, если не прогонят. И похоже, уже начали. На рейде стоят два фрегата под флагом Венеции. Делать им здесь совершенно нечего, поскольку турецкие купеческие корабли сейчас не идут в Рогузу, ибо появляться в Адриатике стало для них очень опасно. Наложить лапу на Рогузу венецианцы не смогут. Пытались сделать это раньше неоднократно, но не вышло. А теперь, когда здесь появились тринидадцы и обозначили свой интерес, и подавно не рискнут. Но вот наблюдать за обстановкой могут. И попытаться половить рыбку в мутной воде тоже могут. Странно, что австрийских кораблей на рейде нет. Но это не значит, что в самом городе нет австрийков. Дубровник – такой проходной двор, что здесь «каждой твари по паре». Вот и надо будет нанести визит в Дубровник. Как знать, быть может, удастся узнать что-то интересное и завести полезные знакомства. Причем среди обеих враждующих сторон. Капитан османского флота Хасан на время исчезнет. И снова появится французский дворянин шевалье Анри де Монтеспан, прибывший из Нового Света. Или итальянский наемник Джованни Борджиа, служивший в крепостной артиллерии Туниса и чудом сумевший унести ноги оттуда. А может... смазливая девица, за каким-то дьяволом сунувшая свой нос в дела, от которых надо держаться подальше. В зависимости от ситуации...

Иван постарался подойти как можно ближе к порту. Благо размеры «Шахин» позволяли легко маневрировать среди стоявших на рейде кораблей. И вот наконец-то якорь полетел в воду, а шебека замерла, убрав паруса и развернувшись против ветра. Как оказалось, в порту не дремали, а вели наблюдение за рейдом, и очень скоро под бортом у «Шахин» оказалась большая лодка с портовыми властями. Все были готовы к тому, что возникнет много глупых вопросов по поводу турецкой шебеки, рискнувшей сунуться в этот район после начала военных действий, но прибывший портовый чиновник из хорватов не страдал излишним любопытством и сделал вид, что поверил в озвученную Иваном версию о поиске груза в Дубровнике. Очевидно, здесь уже привыкли к разного рода проходимцам – любителям половить рыбу в мутной воде. Проведя быстрый осмотр, взял причитающийся портовый сбор, не забыв про «положенный» бакшиш, и напоследок даже дал добрый совет – вести себя осторожно в городе, поскольку здесь сейчас полно венецианцев. Открыто они вряд ли нападут, поскольку власти Рогузы все же худо-бедно обеспечивают свой нейтралитет, но вот напасть втихаря могут. Поэтому, во избежание инцидентов, лучше не ходить поодиночке и не давать повода спровоцировать конфликт. Ибо венецианцы в последнее время что-то сильно обнаглели.

Предупреждение было нелишним. Когда лодка с портовыми властями отошла от борта, Иван вызвал в свою каюту Жана и Давута и разъяснил ситуацию, а в конце предупредил:

– Пока что все остаются на борту, я схожу в город один. Посмотрю сам, что там творится.

– Но как вы пойдете один?! Это же очень опасно!

– Я переоденусь в европейскую одежду и выдам себя за местного горожанина. Заодно, может быть, что интересное узнаю. Договорюсь о доставке свежей провизии и воды прямо на рейд. А вы будьте готовы к немедленному выходу. Как бы не пришлось спешно удирать отсюда.

– Кстати, по поводу удирать. Месье Хасан, а ведь придется именно удирать. Венецианцы нас видели и постараются поймать нас в море, едва мы только выйдем из Рогузы.

– Ничего, пусть попытаются. Выйдем ночью, а в темноте они не сразу обнаружат наш выход. Если вообще обнаружат. Да и скорость хода у «Шахин» приличная, так что от фрегата убежим.

– А может, кого-нибудь из них... Того? Прямо на рейде? Возьмем небольшую рыбацкую посудину, сделаем из нее брандер...

– Нельзя. В Рогузе нам надо быть паиньками, чтобы не вызывать подозрений у местных властей. Нам сюда еще не раз придется зайти. Вот если бы венецианцев спровоцировать на какую-нибудь пакость, чтобы их отсюда вышибли, это было бы неплохо. Но я пока не знаю, как это сделать. Поэтому ведем себя прилично, никуда без спросу не лезем и никого не трогаем. Что касается брандеров, месье Жан, то идея очень интересная. Но только не в Рогузе, а в Триесте.

– Вот как?! Месье Хасан, я готов!

– Поговорим об этом позже. Ваш карибский опыт в этом деле очень пригодится. А пока всем находиться на борту и никуда не рыпаться, пока я с берега не вернусь...

Не откладывая дело в долгий ящик, Иван переделался в одежду, типичную для местного обывателя невеликого достатка, и отбыл на берег. Изображать из себя богатого дворянина он пока что не хотел. Незачем привлекать излишнее внимание. Даже саблю брать не стал. И очень скоро затерялся среди многочисленной разноголосой толпы на улицах Дубровника. В чем можно заподозрить скромно одетого худощавого парнишку, у которого даже не видно оружия? Таких здесь хватает. Крупный торговый город на восточном побережье Адриатики, волею судьбы оказавшийся как раз на границе христианского и мусульманского мира, жил своей жизнью. И его жители уже привыкли не проявлять излишнее любопытство.

Иван шел по улице, разыскивая нужный дом. Инструкцию для выхода на связь со здешним агентом тринидадцев он получил еще в Алжире. Вокруг звучала речь на разных языках – итальянском, французском, турецком и еще каких-то, которых он не знал. День был в самом разгаре, лавки открыты, и лавочники усиленно зазывали покупателей. Но вот и его цель – постоялый двор «Стари Град». На первом этаже – харчевня. Выше – жилые помещения. Владеет этим заведением местный серб Мирослав Драгош – личность довольно известная и уважаемая в Дубровнике. Правда, мало кто знал, что Драгош неплохо заработал на контрабанде, прежде чем открыл этот постоялый двор. Причем и после этого не бросил свое занятие, успешно совмещая оба вида деятельности. Вот на него и вышли тринидадцы, сделав предложение, перед которым серб не устоял. А поскольку прошлая деятельность научила матерого контрабандиста свято соблюдать правило «молчание – золото», то и проблем с ним не возникло. Мирослав Драгош был из той породы людей, которым неважно, кто и за что им платит деньги. Главное, чтобы платили хорошо и вовремя, а напыщенные слова о верности короне, святой церкви или еще кому-то – удел либо придворных аристократов, сильно зависящих от монаршей особы, либо религиозных фанатиков, которые из ничего сделают проблему. А умные люди подобной ерундой не занимаются. Тот, кто хорошо платит, тот и является сюзереном, которому следует сохранять верность – это был жизненный принцип Мирослава Драгоша. Ничего нового он не придумал, такая психология была характерна для подавляющего большинства здешних «негоциантов».

Оглянувшись украдкой по сторонам и не заметив ничего подозрительного, Иван толкнул дверь и вошел в «Стари Град». Народу в харчевне было довольно много. Очевидно, заведение Драгоша пользовалось успехом не только у местного населения, но и у прибывших гостей. Многие говорили по-итальянски, но была слышна также французская, турецкая и сербская речь. А вот и сам Драгош собственной персоной, распоряжается за стойкой. Здоровенный детина с роскошной бородой. Уже в возрасте, но отходить от дел не желает. Его фотографию Иван видел в Алжире, так что ошибка исключена. Но пока что заявлять о себе рано, надо осмотреться. Хоть он и не чувствует опасности, однако... Береженого бог бережет...

Присев в уголке, чтобы держать под наблюдением весь зал, Иван заказал себе обед и начал прислушиваться к разговорам соседей. В общем-то, ничего интересного, обычный застольный треп. Смазливые девицы шастают по залу, явно подогревая интерес публики. Вот одна и рядом с ним остановилась, спросив что-то на сербском. Иван улыбнулся и ответил на итальянском:

– Увы, синьорина, я не понимаю вас.

– О-о-о, синьор, вы итальянец?! Вы новенький, я вас раньше не видела!

Девушка неплохо говорила по-итальянски и довольно прозрачно намекала на дальнейшее «развитие» знакомства. Но Иван вежливо дал понять, что не стоит тратить на него время. Девушка надула губки, однако не стала проявлять навязчивость, быстро исчезнув. Иван проводил ее взглядом и усмехнулся. Непростая девочка. Специально подошла, чтобы выяснить, кто он такой. Якобы прошлась по залу, но только для вида. Ни к кому из посетителей, кроме него, не подошла и не попыталась завязать знакомство. В отличие от остальных шлюх. Значит, своя служба охраны у Драгоша имеется в наличии. Как эффективно она работает – другой вопрос. Интересно, что же дальше будет?

Но ничего интересного не происходило. Не считать же за таковое вспыхнувшие в дальнем углу разборки между сильно перебравшими пьянчугами. Впрочем, скандал угас, едва успев возникнуть. Дюжие вышибалы, до этого изображавшие мебель, сразу же вмешались и выкинули драчунов на улицу. Остальные предпочли не вмешиваться, и веселье продолжилось. Все выглядело, как и должно выглядеть в богатой харчевне крупного портового города. Ничего подозрительного за все время он так и не обнаружил. Ну что же, пора познакомиться с хозяином этого заведения. Иван знал, что Драгош, помимо всего прочего, занимается также поставкой продовольствия на корабли в порту. Поэтому его просьба позвать хозяина для заказа провизии не вызвала удивления у прислуги.

Драгош появился довольно быстро и с интересом уставился на Ивана. Вид заказчика явно не внушал сербу доверия, но он вежливо поздоровался на итальянском и поинтересовался:

– Добрый день, синьор! Я – Мирослав Драгош, владелец «Стари Града». Мне сказали, что вы хотите заказать провизию на свой корабль?

– Да, синьор Драгош. Мне нужна провизия и вода.

– Давайте пройдем ко мне и поговорим спокойно, а то здесь довольно шумно.

Драгош сделал приглашающий жест и попросил следовать за ним. От Ивана не укрылось, что вышибалы проводили его взглядом, но остались на месте. Молодцы ребята, службу знают.

Расположившись в кабинете на втором этаже, Драгош по-прежнему изображал из себя радушного хозяина, но глаза его смотрели настороженно.

– Итак, синьор, что конкретно вас интересует? И как прикажете обращаться к вам?

– Хасан, капитан корабля османского флота «Шахин». Мне нужна свежая провизия и вода. Обязательно из чистого горного источника и в новых бочках.

Иван произнес пароль на турецком, с улыбкой наблюдая за вытянувшимся лицом серба. Он знал, что серб хорошо говорит по-турецки, поэтому решил сразу раскрыть карты. Впрочем, удивление у Драгоша прошло быстро, и он, ответив на пароль, лишь покачал головой.

– Удивили вы меня! Честно скажу – не ожидал. Сообщили, что капитан «Шхин» молод. Но чтобы до такой степени... Сколько же вам лет, Хасан?

– Пятнадцать.

– Поразительно! Впрочем, это не мое дело. Провизия и вода нужны вам на самом деле?

– Да.

– Оставьте мне список, завтра все будет. Есть информация для вас. В Триесте практически завершено перевооружение новых кораблей австрийцев. Из тех, что недавно привели французы. Но там проблема с командами. Император Леопольд попытался сманить к себе французов, да только они в основной массе не желают воевать за интересы Австрии даже за хорошие деньги, поэтому новые корабли стоят в порту с большим некомплектом команд. Венецианских наемников пока что на всех не хватает, и набрать их быстро у австрийцев не получается. Перевозки между Венецией и Триестом идут сплошным потоком. Грузы идут также из Анконы, – римский понтифик тоже решил поучаствовать в этом мероприятии. Турецких кораблей в этом районе больше нет. Кто не успел сбежать, тех либо захватили, либо утопили. Здесь вы можете стоять спокойно, никто вас не тронет. Но едва попытаетесь выйти, венецианцы приложат все силы, чтобы вас поймать. Они уже знают о приходе «Шхин» и удивляются, как вы вообще осмелились прийти в Дубровник.

– Ничего страшного. Пусть ловят, пока не надоест. У меня тоже есть важная информация. По дороге сюда на нас напали пираты в проливе Отранто. Сицилийский полакр «Мадонна». Мы взяли его на бордаж и утопили, но у меня большие подозрения, что там очень мутная история. Пиратство – всего лишь прикрытие. А на самом деле эта «Мадонна» перехватывала всю почту, идущую в Венецию и Триест. Уж очень она была аккуратно рассортирована и упакована. И возможно, этим занимается кто-то еще.

– Пираты перехватывают почту?! Действительно, странно... Но зачем им это?

– Сицилия сейчас принадлежит Испании, но Испания не может ее толком контролировать. И очень может быть, что кому-то из сицилийских аристократов надоело считать себя вассалом испанского короля. Вот и решил воспользоваться подходящим моментом. Но это лишь мои предположения.

– Да, такое вполне может быть... Очень важный вопрос, Хасан. Какие у вас деньги?

– В основном золотые османские султаны. На «Мадонне» взяли россыпью разные деньги, но больше всего французских.

– Французские можете оставить. А вот от османских султаны избавьтесь как можно скорее. Лучше всего обменяйте на австрийские серебряные кройцеры. Монета мелкая, ни у кого подозрения не вызовет – такая у любого найдется, но ее охотно берут везде. И в Австрии, и в Венеции, и в Папской области. Здесь, в Дубровнике, тоже. А с султаны провалитесь сразу. В Венеции и Триесте сейчас на них настоящая охота идет.

– Благодарю вас, не знал... Кстати, а что здесь тринидадские корабли делают?

– Пришли и сказали, что обеспечат нейтралитет Дубровникской республики. Чтобы ни у кого не было соблазна прибрать к рукам такой лакомый кусок.

– А что, пытались?

– Пытались. Недавно венецианцы пожаловали, и чуть ли не в ультимативной форме предложили нам свое покровительство. Дескать, опасаются они, что Османская империя захватит Дубровник. А через два дня пришли тринидадцы и сказали, что всякий, кто попытается нарушить нейтралитет Дубровника, будет считаться агрессором со всеми вытекающими последствиями. Венецианцы сразу сдулись. Но не ушли. Стоят и на что-то надеются, мерзавцы.

– Понятно. А что...

Неожиданно дверь распахнулась, и в нее влетела та самая девица, что строила ему глазки.

– Папа!!! Ой!!!

Иван встал и, улыбнувшись, поклонился, перейдя на итальянский.

– Прошу прощения, синьорина Драгош. Мы с вашим отцом скоро закончим.
– Ты чего примчалась, будто за тобой черти гнались? Говори по-турецки. Это Хасан – мой гость.

– Папа, там дядя Николо пришел и буянит. Тебя требует.

– Ладно, иди. Скажи, что скоро буду. Выстави ему выпивку за счет заведения. Вот же неймется дураку...

Когда за девушкой закрылась дверь, Иван поинтересовался:

– Мирослав-бей, а ваша дочь всех новых посетителей проверяет?

– Да, есть такое. Это Любица – моя младшенькая. Глаз у девчонки острый. Сразу поняла, что вы не тот, за кого себя выдаете. Ко мне тут уже кого только ни подсылали, так она всех шпионов быстро определяет. В нашем деле умение очень ценное.

– А чего она сейчас так перепугалась?

– Братец мой, Николо. Приперся и буянит, денег требует. Вот же дал Господь родственничка... Должен сразу вас предупредить, Хасан. Никаких дел с этим прощелыгой не вести и на серьезные темы не говорить. Он здесь часто бывает, так что можете случайно встретиться.

– Ненадежен?

– Абсолютно.

– Но зачем же вы поддерживаете с ним отношения?

– Увы, приходится.

– Когда закончим, можете мне показать его, но так, чтобы он меня не видел?

– Могу. Если только ему морду не набьют и не вышвырнут из корчмы к тому времени.

– Вашего родственника?!

– Век бы не видеть этого родственника... Ладно, не обращайтесь внимания. Это наши дела, семейные...

Быстро закончив обсуждение деловых вопросов, Драгош вывел Ивана через черный ход на соседнюю улицу, по пути дав взглянуть на своего брата, который начинал уже вести себя неадекватно. Но пока еще не перешел грань, за которой требовалось вмешательство вышибал. Попрошавшись, Иван решил походить по городу, чтобы собрать как можно больше информации. Поскольку венецианцы всерьез решили наложить лапу на Дубровник, но не успели, то сейчас они очень злые на тринидадцев и вполне могут совершить какую-нибудь глупость. А глупость со стороны противника – это всегда радость и возможность действовать в своих интересах. Неплохо также было бы извлечь пользу из вновь открывшихся обстоятельств – отношений внутри семейства Драгошей. Мирослав не стал делать тайны из этого, хоть и не углублялся в подробности. Но и того, что рассказал, вполне хватало для того, чтобы сделать правильные выводы.

Родные братья Мирослав и Николо родились в один день. Поначалу они в общем-то ладили между собой, и назвать их отношения враждебными было нельзя. Все изменилось после внезапной гибели их отца в стычке с конкурентами – старший Драгош не гнушался контрабандным промыслом. Дележ наследства между братьями также прошел относительно мирно, а вот потом начались проблемы. Если Мирослав продолжил дело отца, то вот Николо пустился во все тяжкие и за несколько лет промотал все свое состояние, после чего пришел к брату за помощью. Мирослав по старой памяти не отказал родственнику и помог деньгами, выслушав душещипательную историю, но предупредил, что быть дойной коровой не собирается. Если братец хочет жить хорошо – пусть впрягается в семейное дело под его началом. Николо отказался, заявив, что сам себе хозяин и ходить ни под кем не будет. Ну, вольному воля. Братья расстались и долгое время о Николо Драгоше ничего не было слышно. И вот недавно он появился, причем снова без гроша в кармане. И как ни в чем не бывало попробовал снова надавить на родственные чувства. Но здесь уже Мирослав проявил твердость, не став повто-

рять прошлых ошибок. Наведя справки о своем непутевом братце, выяснил, что Николо из той породы людей, которые могут пообещать и не сделать. Из-за чего он и прогорел – никто из его прежних компаньонов и контрагентов больше не хотел с ним связываться. Что Мирослав и высказал при очередной встрече, когда Николо пришел и начал слезно умолять взять его в дело. Встреча закончилась скандалом. Однако свои попытки воззвать к родственным чувствам Николо не прекратил, регулярно напоминая о себе. Но, поскольку он ничего толком не знал о делах Мирослава Драгоша (вовремя сообразил не посвящать его в подробности), то никакого вреда от него не было. Так, одно лишь раздражение от назойливого попрошайки.

Взвесив все за и против, Иван подумал, что Николо может быть полезен. Конечно, доверять ему ни в коем случае нельзя. И в дело брать нельзя. Деньги тоже давать нельзя, разве что небольшой задаток. Но вот для выполнения какой-то важной одноразовой акции его можно попытаться привлечь, пообещав солидное вознаграждение. Только с обязательным условием – сначала дело, потом деньги. Ну а потом... А потом можно и не платить. Покойникам деньги не нужны...

Побродив по городу, потолкавшись на базаре и в корчмах, ничего особо важного Иван не узнал. Тем более не зная местного языка. Но вот из разговоров многочисленных венецианцев удалось выяснить две интересные вещи. Первая – для них оказалось большим сюрпризом появление кораблей тринидадцев, и теперь они не знают, что делать. А вторая – турки настолько обнаглели, что заявили в Дубровник и стоят здесь на виду у всей венецианской эскадры как ни в чем не бывало. И надо бы этих наглецов проучить. Нетрудно было догадаться, что речь шла о «Шахин», стоявшей на рейде под турецким флагом. Больше ни одного турецкого корабля в Дубровнике не наблюдалось.

Когда Иван вернулся на борт «Шахин», уже смеркалось. Поднявшись на палубу, сразу же вызвал Давута и старшего офицера к себе в каюту и обрисовал им сложившуюся обстановку. Жан сразу же предложил подготовиться к ночному «визиту» незваных гостей, но Давут отнесся к этому скептически, усомнившись в реальности нападения. Уж очень были сильны стереотипы о неизбежности выполнения всех требований властей у янычарского офицера, и что напрочь отсутствовало в мировоззрении бывшего французского корсара. Иван, хорошо знакомый с тактикой казаков, был полностью согласен с Жаном Блондо. Но все же для приличия поинтересовался:

– А как бы вы поступили на месте венецианцев, месье Жан? Если бы получили приказ захватить «Шахин», но так, чтобы не создавать шума? Здесь все же нейтральная территория. Реально ли такое вообще?

– Очень даже реально, месье Хасан! Разумеется, если бы на нашем месте была обычная купеческая посуда. В чем наши «друзья» венецианцы, похоже, не сомневаются. Орудийные порты в фальшборте у нас замаскированы хорошо и пушек не видно. Да и сама «Шахин» по своей сути – бывший «купец», а не военный корабль. Так что вполне могут клонуть. Причем этой ночью, поскольку считают, что команда будет дрыхнуть после долгого и тяжелого перехода.

– И как они это сделают?

– Скорее всего, подойдут ночью на шлюпках. Их сложнее заметить, чем даже небольшой кораблик, поскольку они пойдут на веслах. А поскольку кораблей на рейде довольно много, то они будут вообще незаметны на фоне чужих корпусов, пока не приблизятся на пару сотен ярдов. И это еще, если ночь будет ясная и лунная. Если же небо затянут тучи, то смогут подойти незамеченными еще ближе. У нас же, согласно портовым правилам, должен гореть огонь на палубе, поэтому они пойдут на него, как на маяк. Если еще днем наметить ориентиры, то найти ночью нужный корабль на рей – де не так уж и сложно. А дальше – как повезет. Если сумеют

тихо забраться на борт, то вырежут всех. Шуметь им нельзя, поэтому будут действовать холодным оружием. А когда захватят «Шахин», поднимут паруса и уйдут в море, поскольку если это дело выплывет наружу – громкий скандал гарантирован. Что Венеции совершенно не нужно. Особенно после появления здесь тринидадцев.

– А если без шума не получится? Если вахта на палубе их вовремя обнаружит и откроет стрельбу?

– Развернутся и уйдут. Если бы им надо было обязательно захватить «Шахин», наплевав на последствия, то вполне могли бы открыть ответный огонь и все же попытаться взять нас на абордаж. Но им это не надо, поскольку ссориться с властями Рогузы – себе дороже. «Шахин» этого не стоит. Венецианцев за такие фокусы вышвырнут отсюда, как пьяных дебоширов из таверны. Поэтому сами они стрелять не будут и уйдут, когда поймут, что сработать по-тихому не получилось. А на наши обвинения ответят, что знать ничего не знают. Либо это проделки местных бандитов, либо нам вообще все приснилось и теперь мы нагло клеветаем на добрых католиков, устроив пальбу на рейде. То есть эти мерзавцы останутся в выигрыше в любом случае. Они прекрасно понимают, что нам ссориться с властями Рогузы тем более нельзя. Это наше единственное убежище в Адриатике. Пока, во всяком случае.

– Понятно, месье Жан. Я тоже предполагал нечто подобное. А поскольку ни им, ни нам шуметь нельзя, сделаем так...

Темная осенняя ночь, когда небо затянуто облаками, – идеальное время для проворачивания темных дел. Особенно если есть желание избежать шума. Иван был уверен, что венецианцы не устоят перед искушением и постараются захватить «Шахин» в первую же ночь. Пока, как им кажется, проклятые магометане, посмеявшиеся прийти сюда, будут отсыпаться после трудного перехода по осеннему морю. Тем более удалось скрыть от портовых властей назначение «Шахин». Никто не подумал, что эта бывшая купеческая посуда имеет от – ношение к военному флоту Османской империи. А то, что у нее на палубе стоят хорошие французские пушки, – ну и что? Купцы вполне могут позволить себе такую роскошь, если денег не жалко. Только ведь к хорошим пушкам еще и хорошие пушкарки нужны. А команда «Шахин» своим внешним видом меньше всего походила на военных моряков. Зато на контрабандистов – очень даже. Но поскольку Дубровник – нейтральная территория, а залетные гости исправно платят деньги и хорошо себя ведут, то пусть стоят здесь сколько угодно. Чем дольше простоят, тем больше денег здесь оставят. И тем лучше будет для Дубровника. Обычная манера поведения властей, привыкших действовать по принципу «и нашим, и вашим».

Именно поэтому на палубе «Шахин» была выставлена усиленная вахта, а остальные спали тепло одетыми на палубе, держа под рукой сабли. Ружья и пистолеты держали здесь же на всякий случай заряженными. Мало ли как все сложится. Но главную роль в отражении нападения предстояло сыграть не им.

Иван знал, что среди команды янычар есть хорошие лучники и арбалетчики, поэтому озаботился большим запасом стрел и арбалетных болтов еще в Тунисе. Правда, совсем для других целей – бесшумного снятия вражеских часовых при высадке на берег и вахтенных на палубах стоящих на якоре кораблей, если удастся подойти к ним ночью на шлюпке. Идея захватить какой-нибудь австрийский корабль со всеми его секретами прочно укоренилась в голове Ивана. Это не только усилило бы его отряд, но и произвело большой резонанс в Истанбуле. Особенно если правильно подать нужную информацию. Но за этим дело не станет – Кемаль-паша расстарается. Тем более это в его интересах. На фоне постоянных поражений на суше такой успех на море не пройдет незамеченным. Сам султан обратит внимание на удачливых храбрецов. И в первую очередь – на капитана Хасана, который, оказывается, отличился еще в Алжире и Тунисе! А это хороший шанс продвинуться по службе как самому адмиралу Кемалью-

паше, так и его подчиненному – капитану Хасану. Вот такие были планы. А как выйдет на деле – один Аллах ведает. Недаром тринидадцы говорят, что гладко было на бумаге...

А теперь получилось так, что луки и арбалеты придется применять не в наступательных, а в оборонительных целях, чего ни Иван, ни Давут, ни Жан раньше не предполагали. Но все согласились, что другого выхода просто нет, если нужно любой ценой избежать шума. Позиции для лучников и арбалетчиков подготовили таким образом, что их было невозможно обнаружить в темноте. Сами стрелки из янычар отдыхали здесь же, привлекать к несению вахт их не стали. Но самые глазастые матросы, привыкшие к ночному наблюдению за морем и берегом, внимательно следили за окружающей обстановкой. Все понимали, что рядом находится сильный и многочисленный противник, поэтому отлынивающих от своих обязанностей не было.

Иван проснулся среди ночи от чувства близкой опасности. Глянул на часы – половина второго. Самое время появиться незванным «гостям». С вечера команда «Шахин» устроила шумные посиделки на палубе, и теперь все говорило о том, что турки дрыхнут сном праведников после трудов тяжких. Ни у кого, наблюдающего за «Шахин», не возникло бы мысли заподозрить иное. Шебека стояла на якоре, ее палуба была тиха и безлюдна, а одинокий масляный фонарь на ее фок-мачте являлся хорошим ориентиром для тех, кто вздумает нанести ночной визит. И предчувствие его не обмануло. Раздался стук в дверь и в каюту вошел матрос.

– Хасан-бей, проснитесь!

– Да я уже не сплю. Что, гости пожаловали?

– Да. Четыре шлюпки. Только что обнаружили. Команда готова.

– Понял, иду.

Выйдя на палубу, Иван сразу же понял, что ситуация складывается вполне предсказуемая. Небо было частично закрыто тучами, но лунный свет временами все же освещал поверхность воды, и четыре крупные шлюпки, в каждой из которых могло разместиться до двух десятков человек, были обнаружены загодя. Они уже разделились и старались зайти с обоих бортов. Из темноты возник старший офицер и вполголоса доложил:

– Мон капитан, корабль к бою готов!

– Хорошо, месье Жан. Ждем. Целей четыре, поэтому работаем, как и собирались. Первыми – Давут и Фуад. Затем лучники и арбалетчики. Ружья и пистолеты применять, если противник все же заберется на борт. Нам нужны доказательства нападения.

– Да, мон капитан!

Как будто волна прошла по палубе. Лучники и арбалетчики из янычар заняли позиции, укрывшись в тени стоячего такелажа. Остальные, приготовив сабли, укрылись за фальшбортом, и заметить их с приближающихся шлюпок было невозможно. Команда «Шахин» готовилась встретить незваных гостей.

Иван внимательно наблюдал за приближающимся противником, используя свой дар характерника. Сейчас те, кто не занят на веслах, а смотрит на «Шахин», видят идиллическую картину – их добыча спит и ни о каком нападении не догадывается. Этим он хотел помочь Давуту и одному из его янычар Фуаду выполнить свою задачу еще до начала боя – взять «языков». Конечно, рассчитывать на «крупную рыбу» не стоит, но и простой матрос из команды вражеского корабля может знать довольно много интересного. Надо лишь уметь спрашивать. А для этого у ночных визитеров не должно быть ни тени сомнения, что на палубе шебеки турецких контрабандистов (как они думают) их встретить некому, поэтому никаких сложностей в предстоящем деле не ожидается.

Шлюпки медленно приближаются, слышен лишь тихий плеск весел. Уключины смазаны, чтобы не скрипели. Уже хорошо можно рассмотреть темную массу людей в шлюпках. Но все соблюдают тишину, стараясь незамеченными подобраться вплотную. Лучники и арбалетчики

на палубе «Шахин» приготовили свое оружие и ждут сигнала, наблюдая из-за вант, подняв голову над фальшбортом. На правом борту рядом с одним из лучников занял позицию Давут. На левом – Фуад. Кому из них улыбнется удача, пока неясно, ибо шлюпки могут приблизиться на нужную дистанцию не одновременно. Но в крайнем случае хватит и одного «языка», не стоит жадничать.

Шлюпки все ближе и ближе. Иван, заняв место на юте, откуда хорошо просматривалось все окружающее пространство с обоих бортов, ждал. Те, кто подходил с правого борта, приближались быстрее, но ненамного. Осталось всего ничего – не более пары десятков метров, как вдруг что-то метнулось над водой к ближайшей шлюпке. И сразу же раздался стук весел, вопли и проклятия на итальянском, а также сильный всплеск воды. Спустя мгновение шесть стрел и два арбалетных болта вызвали новый приступ воплей и проклятий. А Давут с двумя матросами уже подтаскивал к борту свою добычу. Ничего, даже если аркан захлестнулся на шее, за такой короткий срок «добыча» вряд ли отправится в мир иной. Разве только от ужаса. Но тут, увы, как повезет. На все воля Аллаха...

С левого борта картина была аналогичной, с той лишь разницей, что незваным визитерам повезло еще меньше. Фуаду тоже удалось удачно набросить аркан, но то ли попавшего «на крючок» попытались удержать, то ли еще по какой причине, но переполненная шлюпка перевернулась. Стрелки левого борта тут же воспользовались ситуацией, и первый залп дали не по «купающимся», а по дальней шлюпке, хоть до нее и оставалось около сотни метров. Но для хорошего лучника и арбалетчика это не дистанция. Тем более как раз выглянула луна из-за туч, осветив все вокруг, а народу в шлюпке набилось столько, что в кого-то все равно попадет. Крики и ругань на итальянском, раздавшиеся в ночи, были тому подтверждением. Но стрельба с палубы «Шахин» не прекратилась. Стрелы и арбалетные болты летели в темноту, собирая обильную жатву в обезумевшей толпе. Поняв, что затея с abordажем провалилась, уцелевшие налетчики попытались удрать. Но безнаказанно это им сделать не удалось – еще не раз на палубе «Шахин» раздались щелчки тетивы луков. Все же их скорострельность не шла ни в какое сравнение со скорострельностью дульнозарядных ружей.

Когда шлюпки удалились достаточно далеко и дальнейшая стрельба стала бессмысленной, Иван дал команду прекратить обстрел и заняться спасением утопающих, которые вцепились в перевернувшуюся шлюпку и вопили о помощи. Вода осенней Адриатики была все же довольно холодной, а умением плавать европейские моряки не отличались. Конечно, у жителей побережья Апеннинского полуострова с этим было получше, чем у англичан, французов, испанцев и португальцев, но все же в общей массе ситуация с умением плавать была далека от идеала. Заарканенную «добычу» уже подтянули к борту и вытаскивали на палубу, а остальным бросили веревки, в которые оказавшиеся в воде венецианцы тут же вцепились. Тем не менее на палубу смогли поднять таким образом всего четверых. Остальные продолжали держаться за перевернутую шлюпку, уносимую течением все дальше и дальше, не пожелав воспользоваться «гостеприимством» противника. Преследовать их не стали. Все равно они фактически обречены, если только кто-то другой в самое ближайшее время не спасет их. Холодная вода убивает не хуже стрел и арбалетных болтов. До утра вряд ли кто доживет...

Теперь надо было разобраться с «уловом». Иван прошел к грот-мачте, где под охраной сидели на палубе пять мокрых и трясущихся от холода и страха пленников. Еще один лежал и хрипел. Склонившийся над ним Давут, заметив подошедшего Ивана, вынес вердикт:

- Неудачно аркан горло передавил. Похоже, не жилец.
- На все воля Аллаха. Дай-ка я его осмотрю.

Иван решил использовать удачно подвернувшийся случай, чтобы вытрясти из пленных максимум информации. Ведь если заглядывать им глубоко в душу, до самого доньшка, то это не пройдет для них незамеченным. И они обязательно расскажут о странном «колдуне» среди

турок, а ему это совершенно не нужно. Он сначала думал подстроить попытку оказания сопротивления одним из пленных после извлечения из него всех сведений с немедленной ликвидацией «при попытке к бегству», ибо убивать всех ни в коем случае нельзя. Нужны живые доказательства ночного нападения венецианцев. А тут все сложилось как нельзя лучше. И выбирать жертву «на заклятие» не придется...

Опустившись на корточки рядом с хрипящим телом пленника, Иван положил ладони ему на шею и попробовал определить степень повреждений. В общем-то ничего действительно опасного для жизни нет. Больше придушивается, хитрец такой. Думает обмануть своих врагов. Поболит шея несколько дней и все пройдет. Но... Не повезло тебе, сердешный...

Парализовав волю пленника, Иван вошел в его душу, буквально ломая все попытки сопротивления. Венецианец с застывшим в глазах ужасом глядел на склонившегося над ним молодого турка и не мог произнести ни звука. Даже хрипеть перестал. Иван же молча делал свое дело, продолжая ощупывать шею венецианца. Скоро он знал всё. И понял, что снова перед ним лишь «мелкая рыбешка». Они получили приказ захватить турецкую шебеку, так беспечно появившуюся в Дубровнике после начала войны. Причем кто-то пустил слух, что это турецкие контрабандисты, пришедшие за товаром, деньги на оплату которого у них имеются. Ну просто идеальный объект для грабежа! Вот командующий венецианской эскадры и не устоял перед искушением...

Узнав все, что можно, Иван сделал так, что венецианец снова сильно захрипел и его тело выгнулось дугой. После чего достал кинжал и вонзил его в грудь пленника. Затем тщательно вытер клинок о его мокрую одежду и встал.

– Ты был прав, Давут. Он бы все равно не смог говорить... Давай займемся остальными. Но особо не усердствовать. Они мне нужны живые и относительно целые...

Впрочем, «усердствовать» янычарам не пришлось, пленники и не думали запереться. Очень скоро на Ивана вылился поток самых разнообразных сведений, но все же информация не противоречила той, что ему удалось узнать раньше. Множество разрозненных деталей лишь дополняли общую картину. Им просто «повезло» оказаться в неподходящий момент в неподходящем месте. За несколько дней до прихода «Шахин» откуда-то прошел слух о прибытии в Дубровник корабля турецких контрабандистов с крупной суммой денег. Вот венецианцы и решили, что это именно «Шахин» и есть. Уж очень велик оказался соблазн не только наказать потерявших всякую осторожность турок, но и поправить свое финансовое положение. Тем более никаких сложностей в предстоящей операции венецианцы не углядели. Проблема была лишь в том, что все надо было сделать тихо, и после захвата сразу же увести «Шахин» в море, подальше от местных властей. Никаких вопросов бы это не вызвало – турки просто сбежали в первую же ночь, как только поняли, что на рейде Дубровника стоит сильная венецианская эскадра. Обеспечили, как им казалось, внезапность нападения, большой численный перевес в силах и полную скрытность от посторонних глаз. И тут – такой конфуз...

Поняв, что больше из пленных ничего не выжать, Иван махнул рукой и велел запереть их в канатном ящике, предварительно связав. Ничего, переживут, до утра с ними ничего не станет. Ни одного офицера среди пленных не оказалось – одни лишь матросы и солдаты. За таких ни выкупа не получить, ни более-менее секретной информацией не разжиться. Так, одни общие сведения да слухи с местного базара. Но в их положении и это немало. Давут, закончив водворение пленных в канатный ящик, поинтересовался:

– Хасан, и что дальше делать будем? Зачем тебе эти гяуры живыми? Все равно от них никакого толку нет.

– Ну почему же, Давут. Толк есть. И немаленький. Называется большая политика. Утром я передам этих гяуров на флагманский корабль тринидадцев с официальным сообщением о ночном нападении венецианцев, что грубо нарушает нейтралитет Дубровника. Или Рогузы, как его называют венецианцы. Поверь, это будет суший подарок для тринидадцев.

– Вот как?! Но почему? И почему ты хочешь передать пленных именно тринидадцам, а не местным властям, что было бы гораздо логичнее?

– Логичнее, но не совсем. Власти Рогузы откровенно слабы и сейчас вынуждены выбирать, к кому примкнуть. Если бы мы отдали этих гяуров им, то они бы сделали все возможное, чтобы замять дело. Открыто ссориться с Венецией Дубровник не хочет и не будет, если только его не вынудят. Но вот если в дело вмешаются тринидадцы, замять этот вопиющий случай уже не получится. Они ведь обещали гарантировать нейтралитет Рогузы? Обещали! И вдруг найдутся какие-то проходимцы, которые их в грош не ставят! Поверь, шуму будет много. Уж тринидадцы постараются. Не знаю, удастся ли в результате этой ночной авантюры выгнать отсюда венецианцев вообще, но вот заставить их сидеть тихо, как мыши под метлой, тринидадцы смогут. А это и в наших интересах. В настоящий момент тринидадцы – наш единственный реальный союзник. Во всяком случае до тех пор, пока наши цели совпадают. Об остальных же говорить не приходится. Все только и норовят оторвать от Османской империи куски пожирнее.

– Хм-м... Пожалуй, ты прав, Хасан... Я о таком повороте дела как-то не подумал... Хорошо, передадим пленных тринидадцам, а дальше?

– А дальше подадим официальную жалобу властям о нарушении нейтралитета, получим провизию и воду, поменяем часть наших денег на австрийские и венецианские и уйдем. Надо начинать делать то, зачем мы сюда пришли. Удалось выяснить, что папа Климент Десятый решил погреть руки на этой войне, и сейчас из Анконы идет много грузов в Триест и Венецию. Вот и надо прогуляться в сторону Анконы. Для начала. Ибо там нас никто не ждет.

– Понятно. А менять деньги зачем? Неужто ты опять собрался в гости к гяурам? Как тогда – в Алжире?

– Не исключаю такой возможности. И в этом случае нам потребуются местные деньги. Светить французскими экю и луидорами в Триесте и Венеции нельзя. Ведь скорее всего, нам придется изображать местных простолюдинов, а откуда у них такие деньги? А уж показывать испанские песо и наши султани тем более нельзя. Поэтому нам нужны местные деньги, причем разных номиналов, чтобы не вызвать подозрений. Лучше всего – венецианские и австрийские. Их одинаково хорошо берут как в Венеции, так и в Австрии. А здесь берут *все*. Вот и поменяем...

Глава 3. Маленькие шаги в большой политике

На следующее утро, не откладывая дело в долгий ящик, Иван отправился на флагман тринидадцев, прихватив с собой пленников и Давута, хотя его помощь в этом деле и не требовалась. Но аргументы янычара были железными – он лично увидит корабль тринидадцев и потом сможет нарисовать все по памяти. Против такой постановки вопроса возразить было нечего, и Ивану пришлось согласиться. И теперь шлюпка с «Шяхин» резво шла по рейду, лавируя между стоящими на якоре кораблями, направляясь к серой громадине – броненосному фрегату «Дмитрий Пожарский», на котором был поднят вымпел командира соединения. Подобные тонкости сами собой всплывали в памяти Ивана, и он им уже не удивлялся, поняв, что впервые в жизни столкнулся с человеком, чей дар многократно превышает его собственный. Даже его наставник – старый казак-характерник Матвей Колюжный, таким уровнем дара не обладал. Но это, в конце концов, пока что шло ему на пользу. И теперь надо в лепешку расшибиться, но перетянуть Диану Санчес на свою сторону...

Мысли снова вернулись к воспоминаниям их единственной встречи в Алжире на борту «Синопа»... Черт побери, зацепила его девка... Ну сильнее она, и что?! Значит, Господь создал ее такой по замыслу своему! И именно он сделал так, что они встретились! Два характерника – парень и девка, что раньше вообще считалось немислимим. Встретились и... Захотели встретиться вновь... А то, что она католичка, а не православная, ну и что? Его матушка тоже не из православных, а из правоверных. И до сих пор тайком намаз совершает, чему отец не препятствует. Хотя и делает вид, что не знает. Да и он сам уже настолько свыкся со своим положением, что не делает различий между Господом нашим, Иисусом Христом, и Аллахом. Ведь Господь един. Просто имен у него много... Да уж, слышали бы это церковники... Особенно паписты... В православии все же нет такого сильного неприятия чужой веры, как в католицизме. Ладно, нечего забивать себе голову тем, что он все равно изменить не может. А сейчас надо постараться произвести благоприятное впечатление на командира тринидадской эскадры. Интересно, он из пришельцев или из жителей этого мира? Но это не суть важно. Он и с пришельцами ладить научился...

Неожиданный возглас Давута отвлек его от размышлений.

– Хасан, а скажут они именно то, что нам надо? Ты уверен? Вдруг, когда мы их отпустим, начнут орать, что, дескать, это мы на них напали, а они всего лишь на рыбалку вышли и мимо проходили?

– Не волнуйся, эти горе-грабители могут говорить все, что им заблагорассудится. Тринидадцам *выгодно* нам поверить. Поэтому никаких сложностей я не вижу. Гораздо труднее будет объяснить этот инцидент местным властям. Там до сих пор многие стараются усидеть на двух стульях. Но здесь я надеюсь на авторитет тринидадцев...

Так за разговором прошел весь путь до флагманского фрегата тринидадцев. Пока матросы махали веслами, Иван и Давут присматривали за пленниками, обнажив сабли. Хоть Иван и не опасался их бунта, но предосторожность не помешает, чтобы не возомнили себе невесть чего. Перед посадкой в шлюпку им сделали предложение, от которого трудно отказаться. Либо они подтверждают в присутствии тринидадцев и вызванных с берега представителей властей Дубровника факт попытки захвата османского корабля согласно полученному приказу своего командования, и тогда их считают военнопленными со всеми положенными им правами. Либо, если они откажутся это подтвердить, то будут повешены, как пираты, взятые с поличным. С этой публикой у тринидадцев разговор был короткий, о чем все знали. Как говорится, выбор сделать нетрудно...

Когда шлюпка только направилась к «Дмитрию Пожарскому», явно обозначив свои намерения, на палубе фрегата сразу же началось шевеление и у борта появились два человека с ружьями, внимательно наблюдающие за приближающейся шлюпкой. Давут, впервые видевший корабли тринидадцев так близко, лишь восхищенно вздохнул:

– Надо же, весь корпус из железа!!! Так его никакие ядра не берут?

– Там вроде бы не весь корпус из железа. Железный только набор и броня на бортах, а обшивка из дерева. Но точно не знаю, так говорили. Но вот ядра действительно не берут. Точно такой же фрегат «Дмитрий Донской» уничтожил весь английский флот в Ла-Манше два года назад. Причем попадания в него были, но никакого вреда не нанесли.

– Один?!

– С ним еще два грузовых корабля были – вроде этих четырехмачтовиков. Но какие из них вояки? Так что можно сказать, что один.

– Ну, ничего себе... А ты откуда знаешь?

– Выяснил в Алжире у испанцев, когда мы ходили туда первый раз. Испанцы с тринидадцами уже давно одной веревочкой связаны, так что там никто из этого секрета не делает... Так, подходим. Давут, помалкивай, говорить буду я. А ты – для создания антуража. Как раз твоя янычарская форма пригодится...

Когда до высокого серого борта осталось не более полусотни метров, с палубы их окликнули на русском, но Иван сделал вид, что не понимает, и ответил на французском, попросив разрешения подняться на борт. Двое морских пехотинцев в камуфляжной форме поняли, что диалога не получится, и один из них ушел. Очевидно, позвать офицера. Но второй внимательно наблюдал за подошедшей шлюпкой, не выпуская из рук оружие. Наконец появился офицер в черном мундире и обратился на хорошем французском:

– Доброе утро, месье! Что вам угодно?

– Доброе утро, месье! Я капитан османского корабля «Шахин», мы прибыли вчера в Дубровник. У меня важное сообщение. Ночью на нас напали венецианцы и попытались захватить корабль, но мы отбили нападение и захватили пленных. Они здесь и могут подтвердить, что действовали по приказу своего командования. Прошу вас доложить вашему командующему о нарушении нейтралитета Дубровникской республики венецианцами и принять пленных для передачи местным властям. Нас там никто не станет слушать.

– Хорошо, я доложу командиру. Ждите.

Ждать пришлось недолго. Очень скоро тот же офицер появился снова и приказал двум пришедшим с ним матросам подать штормтрап. Но на борт разрешил пока что подняться только капитану. Быстро взобравшись на палубу фрегата, Иван поклонился офицеру, прижав руку к груди, и представился:

– Доброе утро еще раз, месье. Мое имя Хасан. Могу я поговорить с вашим командующим?

– Доброе утро, месье Хасан. Я лейтенант Гонсалес – военный переводчик. Прошу следовать за мной, командир вас ждет.

Иван направился следом за офицером, с интересом поглядывая по сторонам. Корабль, конечно, поменьше «Синопа», с которого у него началось знакомство с кораблями тринидадцев. Но по сравнению с тем, что сейчас строят в Европе, настоящий гигант. Плюс оставленное парусное вооружение фрегата, что обеспечивает ему практически неограниченную дальность плавания. Топливо он может тратить только в боевой обстановке, при маневрах в порту и проходе узких проливов. В остальное время можно идти под парусами. Интересное техническое решение, хоть и вынужденное. Команда фрегата хоть и проявляет положенное в таких случаях любопытство, но с вопросами никто не пристает. Причем что радуется, отовсюду слышна русская

речь. И лица у многих моряков – как офицеров, так и матросов – явно не испанцы или метисы. Есть и они, но не менее половины увиденных людей явно русские. Скорее всего, поморы из Архангельска. А может, и еще из каких уголков Руси. Политика тринидадцев в действии – всеми силами стараться обеспечить приток в Русскую Америку русскоязычного населения. И похоже, это у них неплохо получается... Лейтенант Гонсалес из чистокровных испанцев. Причем из дворян, породу не скроешь. А вот кто командующий? Его об этом заранее не предупредили, поскольку в момент его встречи со связником в Тунисе еще ни о какой посылке тринидадских кораблей в Дубровник речи не было. А может, связник об этом не знал. Иван прекрасно осознавал свой статус и понимал, что сильно откровенничать с ним не будут. Сообщат только то, что может помочь в выполнении работы, выгодной также самим тринидадцам. Ни о какой благотворительности речь не идет. Ну и на том спасибо...

Наконец-то пришли. Лейтенант Гонсалес постучал в дверь каюты и зашел доложить о прибытии. Но буквально сразу же вышел и пригласил пройти, сам оставшись в коридоре.

Иван вошел в каюту и сразу же увидел еще молодого мужчину в черном мундире с золотыми погонами, сидевшего за столом и занятого чтением бумаг. Сразу же понял – перед ним пришелец из другого мира. Либо из команды «Тезея», либо из команды «Карлсруэ». Поклонился и поздоровался на французском. Офицер ответил на приветствие и предложил сесть, махнув рукой в сторону стоявшего напротив кресла, но смотрел на визитера с явным удивлением. Наконец представился на французском:

– Я командир фрегата «Дмитрий Пожарский», капитан второго ранга Новицкий. Что у вас случилось, месье Хасан? Вы действительно капитан «Шахин»? У меня на борту есть человек, хорошо говорящий по-турецки. Но я хотел бы поговорить с вами тет-а-тет. Мне сообщили, что вы хорошо знаете французский язык.

– Вам сообщили обо мне, месье Новицкий?! Да, я действительно капитан «Шахин». Но кого могла заинтересовать моя скромная персона?

– Сообщили вчера о вашем приходе в Дубровник, и почти сразу же пришел приказ оказывать вам всяческое содействие. Вот я и удивился, увидев вас. Не ожидал, что капитан «Шахин» может быть так молод. Простите, сколько же вам лет?

– Пятнадцать.

– Охренеть... Пятнадцатилетний капитан... Прямо как у Жюль Верна...

Последнюю фразу командир фрегата сказал вполголоса по-русски, но Иван сделал вид, что не понял, продолжая сохранять заинтересованное выражение лица. Впрочем, командир тут же вернулся к разговору на французском и попросил рассказать все подробно о ночном происшествии.

Рассказ много времени не занял, поскольку Иван постарался избежать лишних деталей. Группа бандитов решила заняться грабежом и нарвалась, только и всего. Расширять круг посвященных еще больше не стоило. И так уже капитан Хасан привлекает ненужное внимание. Выяснив суть дела, командир фрегата тут же отдал приказ сообщить об этом вопиющем случае властям Дубровника с просьбой прислать на борт своих представителей. Информация была также отправлена на флагман венецианцев с требованием предоставить объяснения случившемуся. Хотя Иван и не надеялся, что из этого будет толк, но приличия должны быть соблюдены.

Дальше все было обычной рутинной, когда требуется соблюдать ряд бюрократических требований. Пленных подняли на борт фрегата и допросили. Вскоре прибыли двое представителей властей Дубровника – от портовой стражи и от магистрата. Прибыли также два офицера от венецианцев. Молодые аристократы, явно еще не нюхавшие пороха и воспринимавшие войну только как прибыльное мероприятие, способное поправить их материальное благопо-

лучие. Впрочем, от своих соотечественников и коллег-офицеров они в этом плане ничем не отличались.

Свое знание итальянского и французского Иван демонстрировать перед гостями не стал, поэтому ему предоставили переводчика из числа офицеров фрегата, знающего турецкий и итальянский. В присутствии прибывших были зачитаны показания пленных, после чего выступила «пострадавшая» сторона, – капитан османской шебеки «Шахин» Хасан и его помощник Давут. В процессе разбирательства стало ясно, что местные власти пойдут на что угодно, только бы замять дело. Венецианские офицеры, видя такое, сделали попытку вообще откреститься от ночного инцидента, заявив, что командующий эскадрой никого никуда не посылал. А кто эти люди, совершившие нападение на «Шахин», они понятия не имеют. Либо это местные бандиты, либо провокация самих турок, решивших под шумок вызвать дипломатический скандал с целью очернить Венецию. Вот и разыграли этот балаган с ночным «нападением». Причем к присутствующим здесь уважаемым эфенди Хасану и Давуту претензий нет. Их вполне могли использовать втемную, не посвятив в план операции. Отобьется «Шахин» – хорошо. Не отобьется и ее захватят – тоже неплохо. В любом случае дипломатический скандал обеспечен.

Иван, слушая эмоциональную итальянскую речь, понимал, что венецианцы используют «домашние заготовки». Все же ссориться с тринидадцами они не хотели, вот и подготовили такое «объяснение» на случай провала. По большому счету они ничего не теряли независимо от конечного результата этой авантюры. Осторожно заглядывая в душу лейтенантам Пьетро Аллегро и Джованни Грассо, он в этом убедился. Офицеры получили подробные инструкции, как и что говорить. Главное – отрицать причастность венецианской эскадры к ночному инциденту. А если кого-то из грабителей возьмут за шиворот, то и дьявол с ними. Подобного быдла в портовых городах Венеции хватает. В случае чего новых быстро наберут.

Поняв, что дальнейший разговор бесполезен, и власти Дубровника не горят желанием возиться с пойманными грабителями, а венецианцы продолжают изображать оскорбленную невинность, командующий тринидадской эскадры решил прекратить этот театр абсурда, пообещав, что если будет еще один подобный инцидент, то он вмешается и без разговоров уничтожит тех, кто захочет нарушить нейтралитет Дубровникской республики. Поскольку портовые власти самоустранились, Иван попросил вернуть всех пленных на свою шлюпку. А когда это было сделано, поинтересовался через переводчика, признают ли синьоры Аллегро и Грассо в захваченных бандитах добрых католиков? Получив подтверждение, обратился к венецианцам с неожиданной просьбой – помолиться о заблудших душах этих мерзавцев и произвести их отпевание, как поступают с теми, кто погиб в море. Это сбило с толку всех присутствующих. Переводчик даже переспросил, правильно ли он понял сказанное? Какое отпевание?! Ведь пленные живы!

Иван лишь усмехнулся.

– Пока еще живы, но это ненадолго. Я не могу допустить, чтобы какие-то бандиты безнаказанно грабили и убивали моряков, зашедших с мирными намерениями в Дубровник. С бандитами у нас разговор короткий. Кстати, прошу учесть, что я – не сторонник требовать выкуп за пленных. Какое бы высокое положение они ни занимали...

Иван спустился в шлюпку и дал команду охранявшим пленников янычарам выбросить их за борт, предварительно перерезав горло. Причем все это было сделано на глазах у венецианцев и рогузцев, наблюдавших за происходящим с палубы фрегата и стоявших рядом шлюпок. После чего извинился за доставленное беспокойство и отбыл восвояси, оставив на палубе фрегата шокированных Пьетро Аллегро и Джованни Грассо, до которых только сейчас дошло, что в предстоящей войне церемониться с ними никто не будет. И в случае попадания в руки к такому врагу, как капитан Хасан, надеяться на выкуп бесполезно.

Когда шлюпка удалилась достаточно далеко от тринидадского фрегата, Давут удивленно спросил:

– Хасан, а зачем надо было устраивать этот балаган с венецианцами и рогузскими властями? Ведь толку все равно нет! Местные чинуши чихнуть боятся в сторону Венеции!

– Ты заблуждаешься. Толк есть, и немалый. То, что власти Дубровника боятся чихнуть в сторону Венеции, этого мало. Надо, чтобы они боялись чихнуть и в нашу сторону. А также в сторону тринидадцев. Ибо, как ни парадоксально это звучит, но тринидадцы и испанцы – наши вынужденные союзники. Их тоже не устраивает усиление Священной Римской империи на море, а Венеция – давний конкурент Испании, а теперь и Русской Америки. Вот на этом мы и можем сыграть. Если венецианцы еще раз устроят подобную выходку, она станет для них последней. Тринидадцы вышвырнут отсюда всех конкурентов...

Иван не стал распространяться о том, что еще до начала официальной встречи с представителями венецианцев и портовых властей он подробно обсудил с командиром «Дмитрия Пожарского» дальнейшие планы действий. Напрямую тринидадцы вмешиваться не будут. Но обеспечат дружественный нейтралитет как со своей стороны, так и со стороны властей Дубровника. Обеспечат «Шахин» свежей информацией по мере возможности, а если понадобится, то и деньгами. Наличие в Адриатике быстроходного и хорошо вооруженного рейдера, чем, по сути, и была «Шахин», командование тринидадцев очень даже устраивало. Такая лиса в венецианском курятнике могла дезорганизовать всю систему грузовых перевозок между Венецией, Анконой и Триестом, вынудив флот Венеции гоняться за маленьким, но опасным морским хищником. Австрияки этим заниматься вряд ли будут. Военный флот у них пока еще небольшой, да и кораблей, способных настичь легкую средиземноморскую шебеку, в распоряжении commodora Вильгельма Майера нет. Но вот у капитан-генерала Франческо Морозини, командующего флотом Венеции, такие корабли есть. И много... Поэтому придется соблюдать осторожность и тщательно планировать каждое предстоящее дело, чтобы «лиса» не попалась «сторожевым псам». Но ведь умная и хитрая лиса всегда сможет обмануть дворовых кабыздохов. Добыть курятину и благополучно удрать после этого. Причем так, что кабыздохи ее даже не учуют. А сейчас вся Адриатика – большой «курятник». И «курятин» здесь *много!* Очень много! Правда, и «кабыздохов» тоже хватает...

Однако пока «Шахин» еще только собирается на охоту. И очень хорошо, что ее недооценивают, принимая за обычных контрабандистов. Коих здесь тоже хватает. Но контрабандистов опасаться нечего. Они, можно сказать, почти свои люди. Их интересуют только деньги, которые они согласны получать от обеих враждующих сторон. Там, где раздастся звон золота, о конфессиональной принадлежности вспоминать не принято. Это было давним правилом в среде здешних контрабандистов, которое неукоснительно соблюдалось.

Как бы то ни было, но своей цели Иван добился. Придал ночному инциденту характер международного скандала, после чего венецианцам придется либо сидеть тихо и не высываться, либо убираться из Дубровника. Ибо таких скандальных и наглых соседей тринидадцы не потерпят. Им самим Дубровник нужен, а в перспективе не только Дубровник. Но пока в их интересах сохранить статус-кво. Именно поэтому эскадра адмирала Филатова наводит порядок в западной части Средиземного моря возле берегов Алжира и Марокко и не лезет в Адриатику. А сюда послали лишь небольшой отряд для «демонстрации флага». Правда, эта «демонстрация» может в любой момент закончиться вмешательством в очередную балканскую войну, если в далеком Форте Росс решат, что «папуасы совсем заигрались». Есть у тринидадцев такое выражение. Им не нужны ни сильная Венеция, ни сильная Австрия, ни сильная Турция, поэтому ушлые тринидадцы приложат все силы, но не допустят, чтобы кто-то из этой троицы усилился настолько, что смог подмять под себя остальных. Как сказал генерал Туманов при их встрече

в Алжире, политика «Разделяй и властвуй» в действии. Умные люди такое придумали, надо отдать им должное!

Вернувшись на борт «Шахин», Иван собирался сразу же переодеться «гяуром» и отправиться на берег, чтобы прояснить обстановку. Да и деньги нужно было поменять на местную монету. Но неожиданно появился Мирослав Драгош собственной персоной. Доставив на двух больших лодках заказанную провизию и воду, он уединился в каюте с Иваном для серьезного разговора, пока его люди и команда «Шахин» перегружали запасы. То, что на берегу не все спокойно, Иван понял с первых слов, едва они обменялись приветствиями.

– Ох и навели вы шороху! Многим в городе это не понравилось. Поэтому лучше вашим людям не сходить на берег. Как погрузите провизию и воду, сразу же уходите. Думаю, венецианцы уже послали гонца, который предупредит крейсирующую в море венецианскую эскадру о слишком наглом османском кораблике. Здесь-то вас никто не тронет, но в море будут ждать.

– Благодарю вас, Мирослав. Но мы не можем уйти прямо сейчас. Мне нужны еще и местные деньги.

– Я привез вам австрийские кройцеры и венецианские цехины. Не благодарите – это подарок от наших общих друзей. Соваться в Венецию и Триест с османскими деньгами для вас очень опасно – только внимание привлечете. А кройцеры и цехины здесь найдутся у каждого...

Щекотливый вопрос на удивление быстро разрешился, и Иван понял, что занял серьезное место в планах тринидадцев. После того, как выяснил сумму «подарка». Назвать это деньгами «на карманные расходы» язык не поворачивался. Ну что же, раз дают, то надо брать! Грех отказываться! Закончив финансово-продовольственные дела, распрощался с Мирославом и дал приказ немедленно сниматься с якоря. Дразнить своим присутствием венецианцев и дальше все же не стоило. Неизвестно, что они теперь придумают. Тем более надо было проверить последнюю информацию о резко возросших перевозках между Анконой и Венецией. Если римский понтифик решил нажиться на этой войне, то пощипать его за это сам бог велел. Как говорят друзья тринидадцы, ничего личного, только бизнес!

Когда «Шахин» выбрала якорь и поставила паруса, направившись к выходу с рейда, два венецианских фрегата поспешили сделать то же самое. Но быстроходная шебека, взяв круто к ветру, без труда оставила их за кормой. Впереди лежала Адриатика, которую Венеция давно (и небезосновательно) считала своей вотчиной. Но теперь здесь появились новые игроки, с которыми хочешь не хочешь, а придется считаться.

Оторвавшись от преследователей, Иван изменил курс и направился к Анконе в надежде перехватить кого-нибудь из купцов, но так, чтобы это стало известно как можно большему кругу людей. Из информации, полученной от тринидадцев, он быстро усвоил основные правила ведения войны на морских коммуникациях рейдером-одиночкой. Его задача – не утопить максимальное количество кораблей противника, а постараться сделать так, чтобы эти корабли боялись нос в море высунуть без серьезной охраны. А это неизбежное снижение грузоперевозок, связанное с необходимостью формирования конвоев. И в конечном итоге – серьезные проблемы для воюющей армии, испытывающей недостаток снабжения. Именно таким рейдером-одиночкой и предстояло стать «Шахин». Говорить всерьез о бое с военными кораблями многочисленного венецианского и малочисленного, но качественно превосходящего венецианцев австрийского флота было бессмысленно. Но это и не требовалось. У шебеки было лишь одно преимущество – скорость. И Иван решил использовать его в полной мере.

Глава 4. Непуганая дичь

Адриатика не такая уж и большая, поэтому на следующее утро «Шахин» уже подходила к Анконе. Самому крупному порту Папской области. Купцы здесь сейчас непуганые, поэтому добыча в первые дни обещала быть богатой. Иван, хорошенько подумав ночью, рассудил, что на первых порах можно придерживаться привычной всем пиратской тактики. То есть заняться обычным грабежом на большой морской дороге. И подозрений меньше, да и хабар тоже лишним не будет. Уж по крайней мере, свежая провизия и вода, да и какая-то наличность, у купцов всегда найдутся. Поэтому, едва рассвело и вдали показались паруса, «Шахин» сразу же пошла на сближение, подняв предварительно венецианский флаг. Вскоре стало ясно, что приближающийся галиот также идет под венецианским флагом. Иван приказал канонирам и абордажникам спрятаться за фальшбортом, стараясь всеми силами изображать такого же беспечного «купца». Который находится у себя дома, бояться ему здесь просто некого. Может быть, поэтому венецианцы все и проспали. Причем в буквальном смысле. Когда «Шахин» поравнялась с противником и оказалась у него на траверзе всего в паре кабельтовых, венецианский флаг на ее гафеле скользнул вниз, и на его место тут же взлетел турецкий, а залп книппелями превратил паруса и такелаж венецианца в груды лохмотьев. Легкая шебека тут же развернулась и бросилась на абордаж. Нападение было настолько неожиданным, что экипаж галиота «Сан Августин» не смог оказать никакого сопротивления. На палубе находились лишь вахтенные, некоторые из которых были ранены обломками рангоута, а остальной экипаж мирно пребывал в объятиях Морфея и только-только начал осознать происходящее. Но отряд вооруженных до зубов янычар на палубе тут же охладил пыл наиболее горячих итальянских парней. Сгнав на палубу бака немногочисленную команду галиота, командующий абордажниками Давут поинтересовался, кто капитан? Причем говорил, намеренно коверкая итальянский язык. Так, чтобы его могли понять, но ни в коем случае не заподозрили, что итальянским он владеет достаточно хорошо. Сам же Иван решил не афишировать свою персону и остался на палубе «Шахин», наблюдая со стороны. Причем по его приказу лица всей команды «Шахин» были закрыты платками. Пленных он собирался сразу же отпустить, поэтому лучше обезопасить себя от возможной случайной встречи на территории противника. В том, что в конечном счете их снова заставят наведаться в тыл противника, как в Алжире и Тунисе, Иван не сомневался. Поэтому лучше принять меры предосторожности заранее.

Между тем на палубе «Сан Августина» вперед вытолкнули пожилого итальянца, и Давут задавал привычные в таких случаях вопросы. Род и количество груза, порт назначения и прочее. Но напоследок огорошил всех неожиданной новостью:

– Синьоры, сейчас вам дается полчаса, чтобы покинуть корабль. Личные вещи, запас воды и провизии можете взять с собой. Кроме корабельной кассы, грузовых документов и почты. Это вас касается, синьор капитан. Погода хорошая, берег рядом, доберетесь туда без проблем. И передайте всем своим знакомым. Если при встрече с нами они не окажут сопротивления, то мы никого не тронем и всех отпустим. Нам нужен только корабль. Если же кому-то не дают покоя лавры крестоносцев, иони мечтают пасть в священной борьбе с магометанами, то мы им в этом поможем. После первого же выстрела в нашу сторону пощады никому не будет. Я понятно сказал?

– Да, синьор.

– В таком случае спускайте шлюпки, и чтобы через тридцать минут вас здесь не было. Не теряйте время, синьоры!

На палубе «Сан Августина» тут же началась суeta. Вскоре шлюпки оказались за бортом, и команда венецианского галиота, все еще не веря происходящему, что турки их отпускают, дружно рванула к берегу, до которого было всего лишь около трех миль. Янычары тем време-

нем уже всю хозяйничали на трофее. Перебрался на него и Иван, как только последний из венецианцев покинул палубу. Оставлять даже тех свидетелей, которые слышали его голос, он не хотел. Мало ли как все дальше сложится...

Правда, янычары хоть и выполнили столь непривычный для них приказ, но сомнения в его целесообразности у них не исчезли. Давут, глядя вслед уходящим шлюпкам, лишь пожал плечами.

– Хасан, и зачем нам все это? Ведь они вскоре на другой корабль наймутся. Так мы их будем ловить до бесконечности.

– Ты не совсем прав, Давут. Наша задача – дезорганизовать грузовые перевозки в северной части Адриатики, а не захватить как можно больше трофеев. Уничтожить все грузовые корабли венецианцев мы не в состоянии, это просто нереально. Но это и не нужно. Если мы вынудим противника отправлять купцов только под хорошей охраной, то уже одним этим снизим интенсивность перевозок. Кроме этого, если венецианцы поймут, что в случае сдачи им ничего не грозит, то они и не будут оказывать сопротивление. Ты думаешь, на купеческих кораблях вся команда мечтает пасть в борьбе с проклятыми турками? Как раз наоборот, там это никому не надо. И если только капитан захочет повоевать, то команда сама объяснит ему, что он не прав. До этого все случаи ожесточенного сопротивления купцов происходили потому, что в случае поражения всем грозило рабство. Мы же повели себя совсем по-другому. Вот увидишь, скоро во всех портовых тавернах Адриатики будут говорить о «сумасшедших турках», которые не берут пленных и отпускают их после захвата корабля. Этим мы резко снизим боевой пыл подавляющего большинства венецианских «купцов». Ведь там никто за хозяйское добро погибать не хочет. И очень может быть, что при следующих встречах венецианцы будут сдаваться сразу же.

– Что же, разумное зерно в этом есть... Но ведь не все будут такими!

– Конечно, не все. Поэтому тех, кто сделает по нам хоть один выстрел, тоже не будем брать в плен. Разве только для допроса. И это тоже станет очень быстро известно.

– Непривычно как-то... Ладно, попробуем. Может, и впрямь венецианские купцы сговорчивее станут... Ну а что с австрияками?

– У австрийков грузовых кораблей пока что мало, и ходят они между Венецией и Триестом. Так что возле Анконы мы их вряд ли встретим. Но к австриякам у меня доверия нет.

– В каком смысле?

– Черная Борода, командующий австрийским флотом, очень умный человек, умеющий мыслить нестандартно. Поэтому не удивлюсь, если он постарается устроить нам ловушку, узнав о нашей «щадающей» тактике. Так что с австрияками никакого абсордажа. Пусть лучше Бахир своих канониров тренирует в стрельбе по реальным целям.

– А как же трофеи?!

– Давут, мертвым трофеи не нужны. Не забывай, мы сейчас *единственный* османский военный корабль в Адриатике. И на нас скоро начнется охота. Австрийков, венецианцев и вообще всех, кто к ним примкнет в надежде погреть руки на этой войне. Как пытаются поймать лису, повадившуюся воровать кур, так же будут ловить и нас. Но лиса достаточно умна и хитра, чтобы не попадать в простые ловушки. Вот и нам предстоит стать такими же...

Дав инструкции янычару, Иван занялся осмотром капитанской каюты. Его предупреждение оказалось действенным – венецианский капитан не рискнул забирать с собой бумаги и корабельную кассу. Может быть, он и запустил в нее руку, но деньги в окованном железом сундучке все же остались. Быстро ссыпав в сумку все найденные монеты, Иван быстро рассортировал бумаги, коих оказалось неожиданно много. В большинстве своем это были грузовые документы и счета на поставку продовольствия и различного снабжения. Но была также увесистая пачка писем, с которыми он решил ознакомиться уже на борту «Шахин» в спокойной

обстановке. Вряд ли там будет что-то важное, но... Как говорится, а вдруг? Иногда по второстепенным деталям, случайно упомянутым в письмах, можно узнать много интересного. Матвей Колужный специально делал упор на внимательную работу с бумагами, какие бы ненужные с виду сведения в них ни содержались.

Обшарив каюту и обнаружив два тайника, которые оказались уже пустыми, Иван понял, что большего здесь не выжать. Пора заканчивать с этим трофеем и искать следующий. Места здесь густонаселенные, «дичь» еще непуганая, поэтому сегодня можно еще кого-нибудь поймать. И ожидания его не обманули. Едва Иван вышел на палубу, как услышал крик вахтенного об обнаружении паруса на горизонте. Пора было заканчивать с «Сан Августинем» и проверить, что им послал Аллах на этот раз.

Грабеж тут же прекратился. Что ни говори, но дисциплина среди янычар была налажена отменно. «Шахин» вскоре отошла от борта обреченного корабля, и тут же последовал один выстрел из пушки по ватерлинии. Ядро проломило борт «Сан Августина», открыв течь в грузовой трюм. Больше здесь делать было нечего, и маленький османский рейдер, поставив паруса, понесся к следующей цели. Операция по нарушению торгового судоходства противника продолжалась.

Однако на этот раз поймать врага врасплох не получилось. Венецианский полакр, шедший из Анконы в направлении Венеции, вовремя разобрался в ситуации и попытался удрать, развернувшись на обратный курс. Но это ему не удалось. Быстроходная шебека, к тому же способная идти гораздо круче к ветру, довольно быстро вышла на дистанцию эффективной стрельбы, и первый же залп кншпелями повредил рангоут венецианцев, из-за чего полакр рыскнул под ветер и снизил ход. Правда, сдаваться венецианцы не собирались и открыли ответный огонь. Но увы, восемь небольших пушек не смогли оказать серьезного сопротивления. Быстро поняв, что корабль противника не имеет кормовых орудий, Иван поставил «Шахин» таким образом, чтобы она находилась в мертвой зоне для вражеской артиллерии, а сама могла вести огонь картечью по палубе, что наносило большой урон венецианцам. Которые, как ни старались, так и не смогли изменить своего губительного положения. Кончилось тем, что «Леон» (как назывался полакр) полностью лишился парусов и такелажа, изорванных картечью и кншпелями, и спустил флаг. Но в этом уже не было необходимости. На «Леоне» открылась течь, и он медленно погружался. Очевидно, корпус корабля имел какие-то недавние повреждения, которые заделали абы как. Поэтому даже обстрел картечью и кншпелями, а не ядрами, привел к таким последствиям. Ведь что-то попадало и в корпус в район ватерлинии. Пенные гребни волн подступали все ближе и ближе к палубе. «Леон» все больше и больше оседал кормой и стал заваливаться на левый борт. Команда в панике покидала гибнущий корабль, используя для этого подручные средства, поскольку все шлюпки уже были уничтожены картечью и рухнувшими сверху обломками рангоута. Вскоре «Леон» окончательно лег на борт, постепенно выпрямляясь по мере погружения. Еще немного, и его мачты скрылись под водой. На поверхности моря остались лишь многочисленные деревянные обломки, за которые кое-где цеплялись уцелевшие моряки.

Вздых разочарования пронесся по палубе «Шахин». Оно и неудивительно – такой «жирный» трофей, где можно было бы неплохо пожить, ускользнул в царство Нептуна. Все же здесь люди жили еще привычными им категориями. Иван же лишь усмехнулся, покачав головой, и это не укрылось от старшего офицера.

– Увы, мон капитан, этот приз мы потеряли. Ничего не поделаешь. Видно, корпус у макаронников уже имел какие-то серьезные повреждения, что ему и картечи хватило.

– Я тоже так думаю. Но особого разочарования не испытываю. Наоборот хорошо, что он нам не достался.

– Но почему, мон капитан?!

– Пора отучать наш экипаж жить старыми привычками, месье Жан. Мы не корсары, которые идут в море ради добычи. Если мы будем грабить все, что попадется, то рано или поздно это плохо кончится. Как бы вы поступили на месте противника, если узнали, что возле ваших портов промышляет мелкий, но наглый и быстроходный пират, который грабит купцов, идущих в одиночку?

– Пожалуй, подготовил бы несколько «сюрпризов». Очень легкодоступных с виду и буквально напрашивающихся на то, чтобы их ограбили.

– Согласен. Поэтому не будем действовать по привычной всем схеме. Пусть поломают голову и попытаются понять, что же это за «неправильные» пираты в их краях завелись. Тем более грабеж всех подряд помешает выполнению нашей главной задачи – прекратить свободное торговое судоходство противника в этом районе. Чем больше мы будем отвлекаться на грабеж какого-то конкретного купца, тем больше целей упустим, которые пройдут мимо, пока мы будем заниматься одним. Ведь место здесь очень оживленное. Видите, еще два паруса на горизонте?

– Вижу... Далековато, правда... И двоих вряд ли успеем поймать.

– Если быстро разберемся с первым, то, может, и второй далеко не уйдет. Обратите внимание – они идут навстречу друг другу.

– А из этих никого подбирать не будем?

– Некогда. Нужно проверить, кого нам еще Аллах послал. А эти... Если бы не начали стрелять, то спокойно бы сели в шлюпки и отправились к берегу. Но они не захотели решить дело миром...

«Шахин» снова рванулась вперед, распустив паруса. Благо ветер был попутный, и расстояние до встречного корабля быстро сокращалось. Вскоре стало ясно, что это тоже купец, но уже под папским флагом. Крупный галиот не стал геройствовать, а заподозрив неладное, бросился к берегу. Видно, от встречи с турками ничего хорошего там не ждали и на собственные силы не надеялись. Иван не стал препятствовать беглецам, а шел следом, всем своим видом показывая, что в случае изменения курса тут же откроет огонь. И это все же пришлось сделать, поскольку, когда до берега оставалось уже меньше мили, галиот снова изменил курс и сделал попытку уйти в сторону Анконы. Увы, в планы его противников это не входило. Бахир снова доказал, что не зря занимает должность старшего канонира. Первый же выстрел книппелем из длинноствольной носовой двенадцатифунтовки «Шахин» с большой дистанции угодил в грот-мачту галиота, перекосив ее в районе марса. Этого хватило, чтобы корабль римского понтифика отвернул к берегу и вскоре выбросился на мелководье. «Шахин» тут же развернулась и стала удаляться в море, давая понять, что боевые действия закончены. Старший офицер Жан Блондо, внимательно наблюдавший за противником в течение этого скоротечного боя, лишь развел руками.

– Мон капитан, но так неинтересно! Ведь эти трусы даже не попытались оказать сопротивление! Может, стоило бы послать им хоть один залп вдогонку?

– Зачем, месье Жан? Наоборот, все вышло, как нельзя лучше! Мы ясно показали, что не будем уничтожать тех, кто не оказывает сопротивления. Этот галиот с мели уже не сойдет, ему ветер мешает. И скоро его вообще разобьет о камни. Но команда без труда доберется до берега и расскажет о нас. Ведь они, без сомнения, разобрали османский флаг у нас на мачте. Поэтому максимум через неделю о нас будут говорить во всех тавернах Анконы и ближайших городов. И при встрече с нами купцы не будут проявлять излишнее геройство. Что нам и надо.

– Хм-м... Все никак не привыкну, что мы сейчас совсем другим заняты... Теперь третьего проверим?

– Конечно! А там, как знать, может, до заката еще кто-нибудь попадется...

«Шахин» снова пошла наперехват обнаруженной цели, хотя уже и не так быстро, поскольку пришлось идти круто к ветру, но вскоре стало ясно, что здесь ловить нечего. Встречный корабль, идущий вдоль берега на север Адриатики, оказался французским фрегатом. Пройдя вдалеке, «Шахин» разминувшись с ним и пошла дальше, демонстрируя свои мирные намерения. Османская империя не находится в состоянии войны с Францией, да и связываться шебеке с крупным фрегатом, где не менее пятидесяти пушек... Есть не такие дорогостоящие способы самоубийства...

Все провожали взглядом уходящий фрегат под французским флагом, выражая вполголоса разную степень недовольства о зря потраченном времени и о несостоявшейся добыче, но Иван, внимательно рассматривая «француза» в бинокль, думал отнюдь не о трофеях. Корабль такого же типа, как и в эскадре Черной Бороды, знатно потрепавшего их возле Туниса. Идет на север Адриатики. Скорее всего, в Триест. А это значит, что вскоре Черная Борода, или коммодор Майер, получит еще один корабль. Ибо никакой другой причины идти в эти края у французов нет. А что, если... прогуляться к Триесту? Хотя это и будет выглядеть наглостью в высшей степени, но скоро возле Анконы его охоте придет конец. Информация о том, что здесь орудует турецкая шебека, причем занимаясь не привычным для турок (да и для местных тоже) грабежом, а просто уничтожая одиночные купеческие корабли, распространится очень быстро. И скоро здесь будет не протолкнуться от быстроходных венецианских фрегат. Придется уходить и наносить удар в другом месте. Там, где их никто не ждет. А где не ждут? Как раз поблизости от Венеции и Триеста. Ибо ни венецианцы, ни австрияки не подумают, что кто-то в здравом уме сунется туда, где они чувствуют себя полновластными хозяевами. Да еще на одиночной шебеке, хорошо подходящей для разведки, но совершенно непригодной для артиллерийского боя с тем же фрегатом.

Так оно и вышло. Три дня «Шахин» безнаказанно охотилась неподалеку от Анконы, утопив еще пять и заставив выброситься на берег три венецианских купеческих корабля. Но на утро четвертого дня, когда шебека лежала в дрейфе, поджидая очередную добычу, на горизонте появились паруса целой эскадры. Вскоре стало ясно – венецианцы всерьез осерчали и послали на поимку наглого турка значительные силы – четыре фрегата, два полакра и две шебеки.

Срочно вызванный на палубу Иван долго разглядывал в бинокль появившегося противника, и делился своими соображениями со старшим офицером.

– Здесь нам больше нечего делать, месье Жан. Сколько лиса ни резвится, ворую кур, но целая свора кабыздохов все же может отвадить ее от привычного места охоты. На какое-то время... И это очень хорошо!

– Но что же здесь хорошего, мон капитан?!

– Во-первых, ясно, что венецианцы раскачиваются довольно долго. Ведь информация о нас должна была дойти до Венеции довольно быстро. А если так, то мы можем неплохо пожить в этих охотничьих угодьях.

Во-вторых, в Венеции могут сделать неверный вывод. Будто бы нас чем-то интересует именно этот район возле Анконы. И будут держать здесь своих «охотничьих псов». А мы тем временем исчезнем ненадолго, чтобы появиться в другом месте.

– И в каком же?

– На пути между Венецией и Триестом. Нас, без сомнения, уже заметили. И скоро начнется гонка на выживание, где очень многое будет зависеть от выучки команды, ветра и меткости Бахира. Ему представится прекрасная возможность доказать еще раз, что он прирожденный канонир.

– А пока?..

– А пока лежим в дрейфе и изображаем зазнавшихся разгильдяев, которые не замечают опасность...

Со стороны это так и выглядело. Восемь венецианских кораблей довольно быстро приближались к лежащей в дрейфе «Шахин», команда которой якобы и в ус не дула, проявляя поразительную беспечность после удачной охоты на местных «купцов». И лишь когда расстояние между противниками сократилось до пары миль, турки наконец-то «проснулись». «Шахин» быстро поставила паруса и бросилась наутек вдоль берега в сторону пролива Отранто. Фрегаты и полакры сразу же начали отставать, но бывшие в составе венецианской эскадры шебеки прочно «сели на хвост». Как ни быстроходна была «Шахин», но уйти от своих однотипных «собратьев» не получалось. Так продолжалось довольно долго. Паруса отставших венецианских кораблей уже исчезли за горизонтом, но два злобных «гончих пса» не прекращали преследование потерявшей осторожность «лисы». Скорость у всех троих была примерно одинакова, расстояние между противниками с самого начала погони практически не изменилось, и исход погони могла решить любая случайность. Но Иван не собирался ждать этой случайности, а решил устроить ее сам.

Неожиданно парус на грот-мачте «Шахин» заполоскал, и рей вывернулся под непривычным углом. Для любого наблюдателя со стороны картина была предельно ясной – у турок что-то случилось с такелажом грот-мачты. «Шахин» сбавила ход, и расстояние между ней и преследователями стало быстро сокращаться. Но управление турецкая шебека сохранила, поэтому старалась держать курс кормой к противнику. На палубе действовала «группа паники», создавая видимость полной неразберихи. Однако канониры заняли места у орудий, спрятавшись за фальшбортом. «Шахин» была готова к бою.

Иван молча наблюдал за приближающимся противником. Расстояние было еще великовато для прицельной стрельбы, поэтому венецианцы огня не открывали, стараясь подойти поближе. В том, что зарвавшиеся турки уже не смогут сбежать, они, похоже не сомневались. Тем более никакой опасности для себя эти добрые католики, собравшиеся покарать наглых магометан, не чувствовали. С головной шебеки уже хорошо рассмотрели «Шахин», поэтому были уверены, что на турецком корабле *нет* кормовых орудий. Замаскированные щиты в фальшборте снова закрывали две кормовые пушки, возле которых притаились канониры во главе с Бахиром. Который уже взял на прицел ближайшего противника и теперь лишь ждал команды на открытие огня.

Иван тоже ждал до последнего. Весь расчет строился на мастерстве Бахира. Если удастся первым же залпом сбить ход головному вражескому кораблю, то второй может и не решиться продолжать преследование. Ввязываться в длительный бой не хотелось – случайные попадания никто не отменял. Да и задачу свою в районе Анконы «Шахин» по большому счету выполнила. И теперь предстоит смена «охотничьих угодий». Только сейчас Иван до конца осознал, какую проблему может создать для противника быстроходный рейдер-одиночка. Ведь никто не знает, где он нанесет удар в следующий раз. И это поневоле заставит противника бросить большие силы на его обнаружение и ликвидацию. А тем временем резко просядут грузоперевозки. Купцы поостерегутся выходить в море. И пока есть опасность нападения, венецианцы будут вынуждены ввести систему конвоев, как делали это одно время испанцы для защиты от пиратов при доставке ценностей из Нового Света в Европу. Названия «Золотой флот» и «Серебряный флот» говорили сами за себя. То же самое, только в меньших масштабах, может возникнуть и в Адриатике. Ведь происходящее не укладывается в сознании благородных венецианских синьоров. Какая-то турецкая «блоха» совершенно безнаказанно резвится в ее владениях. Давно такого не было...

– Капитан, дистанция! Могу стрелять!

Возглас Бахира отвлек от размышлений. Иван еще раз окинул взглядом оба корабля противника и разрешил открыть огонь по готовности. Большого Бахиру и не требовалось.

Упали маскировочные щиты, и сразу же грянул выстрел левого орудия.

Иван с замиранием сердца следил за целью. Попадет или не попадет? Все же, дистанция великовата для прицельной стрельбы... Левая пушка была заряжена книппелем. Правая – картечью. Если все пойдет, как и задумано, то венецианцам будет не до преследования...

И Бахир не подвел, снова доказав, что он артиллерист от бога. Выпущенный книппель попал исключительно удачно. Перебил штаги кливеров и ударил чуть ниже середины фок-мачты, переломив ее пополам. Под напором ветра обломок мачты с реем и парусом рухнул на палубу, накрыв весь бак, где приготовились к стрельбе канониры носовых пушек и ждали в готовности абордажники. Но на этом дело не кончилось. Бахир сразу же бросился к правому орудию и послал заряд картечи в образовавшуюся кучу-малу на палубе венецианской шебеки. Большой ли урон противнику нанес этот выстрел – неизвестно, но своей цели он достиг. Шебека рыскнула, и ее развернуло бортом к ветру. Венецианцы так увлеклись погоней, что фактически сами себя подставили под продольный залп. В этом положении трудно попасть с такой дистанции, но зато уж если попал... Как бы то ни было, боевой дух венецианских синьоров резко угас. Пострадавшая шебека осталась лежать в дрейфе с заполоскавшими парусами, а вторая пошла ей на помощь, прекратив преследование. Что вызвало радостные крики на палубе «Шахин». Впечатленный такой точной стрельбой старший офицер тут же стал предлагать добить поврежденного противника, ведя огонь с дальней дистанции, но Иван лишь покачал головой.

– Нет, месье Жан. Идем прежним курсом вдоль берега.

– Но почему, мон капитан?! Ведь с таким канониром мы можем разделить на дрова их обоих с большой дистанции!!!

– Нам это не надо. Наоборот, надо создать у венецианцев уверенность, что они пусть и таким образом, но все же выполнили свою задачу. Заставили обнаглевших турок спастись бегством. Если мы утопим их обоих, то командующий венецианской эскадрой долго ничего не узнает. И может послать еще кого-то на помощь. А так, по крайней мере один из них, быстро вернется и доложит, что турецкий пират трусливо сбежал из Адриатики. Все успокоится, купцы снова выйдут в море, и мы можем нанести визит в северную часть Адриатики. Устроить охоту на маршруте между Венецией и Триестом. Ведь именно там идет основной поток перевозки грузов.

– Хм-м, хитро... Я и не подумал... Мон капитан, как жаль, что вас не было с нами в Карибском море! Уж там с вашей светлой головой можно было бы развернуться!

– Увы, месье Жан, когда вы бороздили просторы Карибского моря, я был еще ребенком. А потом пришли тринидадцы. И в итоге вы оказались здесь, на «Шахин».

– Увы, против фактов не попрешь... Так что теперь, мон капитан? Драпаем так, как будто за нами черти из преисподней гонятся?

– Да. Идем в сторону Отранто, чтобы наши уважаемые синьоры не заподозрили иного. Как стемнеет, развернемся и возьмем ближе к восточному берегу. По дороге зайдем в Рогузу – может быть, будут какие-то новости от адмирала. Хоть такое и маловероятно, но все же. А вот новости из Истанбула должны быть обязательно...

Глава 5. Лиса охотится в одиночку

А новостей, похоже, впереди ждало много. Причем первая из них выяснилась еще до того, как «Шахин» вошла на рейд Дубровника и стала на якорь. На рейде было полно купеческих кораблей венецианцев. Именно купеческих, а не военных. Корабли тринадцатцев никуда не делись – все стоят на прежних местах. Зато остальные... Вот уж действительно, кому война, а кому мать родна! Венецианские торгошники слетелись в Дубровник, как мухи на мед. И плевать им, что Венеция воюет с Османской империей, до которой отсюда рукой подать и купцы которой тоже наводнили Дубровник. Там, где раздается звон золота, никого не интересуют конфессиональные различия и воля правителей. Купец купца всегда поймет, и если они сойдутся в цене, то обоим нисколько не интересуют, кому его торговый партнер возносит молитвы и чьим подданным является. Именно это и подтвердил уже знакомый портовый чиновник, поднявшийся на борт вскоре после постановки на якорь для взимания как портового сбора, так и «положенного» бакшиша. Выяснив, что груза, предназначенного для выгрузки в Дубровнике, на борту «Шахин» нет, утратил к ней интерес, но щедро поделился новостями. Оказывается, после провалившейся авантюры с попыткой захватить турецких «контрабандистов» тринадцатцы все же выгнали венецианскую эскадру из Дубровника. Каким именно образом, он не знал, но до стрельбы на рейде не дошло. Венецианские военные корабли просто снялись с якоря и ушли, но вместо них неожиданно нагрянули купцы. Причем в таком количестве, какого никогда не было. Одновременно с этим Дубровник наводнили разные темные личности с противоположной стороны, даже не пытаясь скрывать свою принадлежность к Османской империи. Завязалась торговля между формально враждующими сторонами, на которую власти Дубровникской республики закрывали глаза, понимая, что если только попытаются нарушить это сверхприбыльное мероприятие, то огребут неприятностей и от тех, и от других. Тем более, хоть это в открытую и не говорилось, но подозревали, что многие чиновники городского магистрата были в доле. Поэтому совершенно не горели желанием нарушить статус-кво.

Узнав такие новости, Иван улыбнулся. Ситуация для тайного подсыла – лучше не придумаешь. Поэтому, пока есть такая хорошая возможность половить рыбку в мутной воде, грешно ей не воспользоваться. И снова отправился на берег в одиночку, разрешив остальной команде сходить в город, но держаться всем вместе и далеко от порта не уходить. А сам отправился в «Стари Град», поскольку там можно было выяснить гораздо больше.

«Стари Град» снова встретил шумом, народу здесь заметно прибавилось по сравнению с прошлым разом. Иван хотел сначала пообедать, не привлекая внимания, и послушать разговоры окружающих, но едва он вошел, как был замечен хозяином заведения Драгошем, оказавшимся в этот момент в зале, и получил от него условный сигнал о необходимости разговора. Поэтому сразу же пошел следом за ним, и вскоре они оказались в уже знакомом кабинете. Обменявшись приветствиями и выяснив, что гость голоден, Мирослав Драгош распорядился накрыть стол и начал сообщать последние новости.

– После вашего ухода наши друзья вышвырнули отсюда венецианцев, пригрозив в противном случае утопить их прямо на рейде, поскольку ни в какие действия «местных бандитов» не верят. И во избежание бессмысленного кровопролития потребовали от командования венецианцев покинуть Дубровник в течение суток. Венецианцы пошумели, но все же ушли, не став доводить дело до крайностей. Одновременно с этим командующий тринадцатской эскадры передал официальное письмо в городской магистрат о недопустимости каких-либо агрессивных действий в отношении Дубровникской республики и пребывающих на ее территории иностранных подданных со стороны третьих лиц. А посему вверенные ему корабли флота Русской Америки защитят нейтралитет Дубровникской республики силой имеющегося оружия от дей-

ствий этих третьих лиц. Хотя в магистрате все и напуганы, но тринадцатцев наши власти боятся больше, чем венецианцев, австрийков и турок, вместе взятых. Поэтому сейчас в Дубровнике относительно тихо. Турки сюда тоже не лезут. Разве что кроме разных авантюристов. Но это в основном частные лица, а не официальные чиновники турецкого султана. Турецкое посольство здесь уже было, надеясь склонить Дубровник к вхождению в состав Османской империи, но успеха не добилось. А в свете последних сообщений из района боевых действий надеяться на это и вовсе не стоит.

– Войска повелителя правоверных терпят поражение и отступают?

– Отступают – не то слово. Они драпают. Если так пойдет и дальше, то скоро австрийская армия выйдет к берегам Босфора. У австрийков оказалось большое количество нарезного оружия, которое бьет гораздо точ – нее и дальше гладкоствольных мушкетов. А австрийская артиллерия качественно превосходит турецкую по всем статьям. В войсках Леопольда Первого появились казнозарядные нарезные орудия. Правда, их пока не очень много. Но там, где они появляются, исход боя предрешен. Сейчас единственное, что может задержать дальнейшее наступление австрийков, это приход зимы. Все же Леопольд сильно ошибся, начав боевые действия поздней осенью, а не весной. Очевидно, рассчитывал одним ударом полностью разгромить турецкую армию, понадеявшись на новое оружие. Но не получилось.

– Не думаю, что это ошибка. Раньше он таких глупостей не допускал... Скорее всего, весной Леопольд еще не был уверен в легкой и скорой победе, потому и не напал. Но потом что-то произошло, заставившее его пересмотреть свои планы... Причем пересмотреть в такой степени, что ждать следующей весны было бы уже поздно... Ладно! Все равно об истинных причинах мы можем только гадать. Что можете сказать о ситуации на море, пан Драгош?

А вот ситуация на море разнообразием не отличалась. Кемаль-паша все же вышел из Туниса, не посмеяв ослушаться приказа султана «овладеть морем». Но «овладевать» не спешил, поскольку прекрасно понимал, насколько уступает австрийскому флоту. Это даже без учета флота венецианского. Поэтому прибыл на рейд албанского порта Дираш и дальше идти не стал, ссылаясь на многочисленные причины. Частично реальные, частично надуманные. Спасало его пока что неожиданное затишье в боевых действиях на море. Австрийцы, после громких побед в Тунисском заливе и особенно в Чесменской бухте, наголову разбив турецкий флот, больше почему-то не проявляли активности, сосредоточившись на переоборудовании полученных от французов кораблей и подготовке экипажей для них под руководством неугомонного коммодора Вильгельма Майера. Который рвался выйти в море, но его придерживали в Триесте приказами из Вены. Определенный резон в этом был – исход очередной австро-турецкой войны решался на суше. И дела в этом у императора Священной Римской империи германской нации Леопольда Первого шли более чем успешно. Поэтому рисковать немногочисленными кораблями с хорошо подготовленными командами в условиях приближающихся зимних штормов в Эгейском море, и в южной части Средиземного моря – у берегов Африки и Леванта, он не хотел. А в Адриатике и так господствовал союзный венецианский флот, поэтому без помощи коммодора Майера венецианцы могли вполне обойтись. В итоге коммодору ничего не оставалось, как скрипеть зубами и тихо материться в адрес «сухопутных крыс» в Вене, не желающих окончательно решить вопрос с остатками турецкого флота. Тем более и идти далеко не надо – Дираш находится в Адриатике. И можно было бы одним ударом покончить с эскадрой Кемалья-паши, после чего флота у турок в Средиземноморье уже бы не осталось. Но... Венецианцам это по каким-то причинам было не надо, а Леопольд не хотел рисковать. Возможно, не доверял таким «союзникам», как венецианцы. Вот и хотел держать мощную эскадру с хорошо себя зарекомендовавшим командующим как раз рядом с конечной точкой торгового маршрута, соединяющего Венецию со всей Европой. И для этого спешно доводил до ума то, что получил от французов, стремясь увеличить свой флот как можно скорее. Такая версия вполне имела место быть.

Напоследок Драгош предупредил Ивана:

– Вам бы я тоже не советовал задерживаться здесь надолго. Дубровник наводнен венецианскими шпионами, и скоро информация о вашем корабле уйдет в Венецию. А после того, что вы натворили возле Анконы, за вас возьмутся всерьез.

– Так мы сюда для этого и пришли. Охота на вражеских коммуникациях – это как раз наша работа.

– Хотите внезапно нападать и резать овец, как волк, а потом быстро исчезать?

– Нет, на волка мы все же не тянем. Силенок маловато. Тем более волк – стайный хищник, а мы действуем в одиночку... Как лиса, которая тоже ворует кур в одиночку. Вот мы и наведемся в этот венецианский курятник...

Как бы то ни было, но Драгош был прав. Не стоило надолго задерживаться в Дубровнике. Поэтому, получив от Драгоша свежую провизию и воду, «Шахин» под покровом ночи покинула гостеприимный Дубровник и направилась вдоль побережья на северо-запад, стараясь уйти до рассвета как можно дальше. Ибо не заметить пристальное внимание к турецкому кораблю со стороны венецианцев было невозможно. Возле «Шахин» на рейде постоянно крутились лодки с какими-то темными личностями, всеми силами изображавшими из себя местных рыбаков. И поскольку Иван старался поддерживать в них уверенность, что перед ними турецкие контрабандисты, только прикидывающиеся служивыми, то обеспечивал этим неослабевающий интерес к «Шахин». Но слишком сильно испытывать их терпение тоже не стоило, поэтому ночью «Шахин» выбрала якорь и исчезла в ночной темноте раньше, чем ее хватились местные «рыбаки». Во всяком случае, когда рассвело и Дубровник остался далеко за кормой, никакой погони не было. «Шахин» летела над волнами, распустив паруса, в полном одиночестве. Если так пойдет и дальше, то впереди еще несколько дней свободной охоты между Венецией и Триестом. Больше не получится. Информация о наглой турецкой шебеке, которая даже не грабит, а просто уничтожает проходящие купеческие корабли, распространится быстро. В итоге купцы на какое-то время перестанут выходить в море, а его начнут ловить как венецианцы, так и австрияки. Ибо позволить кому-то безобразничать возле своего единственного морского порта император Леопольд не может. Очень может быть, что самого коммодора Майера отправят на поимку наглого турка. Но наглого турка здесь уже не будет. Он снова исчезнет, как тогда – возле Анконы. И неизвестно, где появится снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.